

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 121

С.И.РЫЖАКОВА

**DIEVTURĪVA.
ЛАТЫШСКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО
И ИСТОКИ НАЦИОНАЛИЗМА**

**Москва
1999**

ISBN 5-201-14658-9(1)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 121.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с
позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться
по адресу:

117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.MSK.SU
fax: (7-095) 938-06-00

С.И.Рыжакова

**DĪEVTURĪBA.
ЛАТЫШСКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО
И ИСТОКИ НАЦИОНАЛИЗМА**

*Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ
"Восприятие иноэтничности в 20 веке: стереотипы и образы"
№ 97-01-00036.*

Об авторе

Рыжакова Светлана Игоревна – кандидат исторических наук. В 1994 г. окончила кафедру музеологии Московского Государственного университета культуры, в 1997 г. – аспирантуру Института Этнологии и Антропологии РАН. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности “этнография, этнология и антропология”. С 1998 г. работает в Отделе Европы ИЭА РАН. Основные направления исследований – история культуры и семиотические исследования народов Прибалтики (латышей, литовцев) и др. Автор более 20 публикаций. Участвовала в 15 научных конференциях и конгрессах, в том числе в 6 международных.

About the author

Ryžhakova Svetlana I. – Ph.D. hist. MA in 1994 from the Department of Museology, Moscow State University of Culture. Ph. D. from the Institute of Ethnology and Anthropology in 1997. Since 1998 member of the Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences¹ (Department of Ethnic European Studies). Basic interests – the cultural anthropology and semiotic researches of Balts (Latvian, Lithuanian) and other. Over 20 publications. Participated in 15 scientific conferences and congresses.

Summary

RŽHAKOVA S. I. DIEVTURĪBA – NEO-PAGANISM AND THE ORIGIN OF NATIONALISM IN LATVIA.

The author of this paper analyses the process of the ethno-political and cultural revival in Latvia, expressed in ethnic and neo-paganist movements "Dievturība". These movements are almost unknown for Russian academic audience. Originally Dievturība was aimed not only to the reconstruction of Latvian ancient mythology, religion and believes, but also to the forming of rather new religion system.

Special attention is paid to the theory of Latvian nationalism, originally offered by E. Brastynsh. The essential features of Latvian ethnicity should be observed as the main point, still important and complex in Latvian society. One more aspect in this paper is the contemporary situation in Dievturība movement. There is no ideological consensus among the members of this movement now.

*“В наших народных песнях
заключается древняя религия,
которой нужно стать новой религией” (Райнис)*

*“Забвение, я бы даже сказал – искажённое восприятие
собственной истории, – вот существенный фактор
в процессе формирования нации” (Эрнест Ренан)*

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Латышское неоязыческое движение *dievturība* возникло в Латвийской Республике в 1920-е годы и до настоящего времени остается довольно примечательным явлением латышской духовной жизни.

В “Латышском энциклопедическом словаре” 1929 г. о нем говорилось как о течении, имеющем своей целью возобновить древнюю латышскую религию. Отмечалось, что последователи *диевтурибы* относятся к христианству как к “чуждому и вредному” для латышского народа явлению. Читатель “Словаря” мог ещё узнать, что *диевтуры* развивают особое, “латышское” мировоззрение. Основа его покоится на текстах латышских народных песен (дайн), а сущность сводится к тому, что представление о Боге (*Диевсе*) у латышей вполне самобытное, древнее, мало сходное с библейским¹.

Выражаю благодарность всем тем людям, которые помогли мне познакомиться с современными процессами в латышском движении *Dievturība* и представили мне некоторые использованные в статье материалы: Ольгертсу Таливалдису Аунсу, Рамантсу Янсону, Карлису Томаринышу и другим. Автор статьи не разделяет многих позиций *диевтуров*, в особенности связанных с оценкой различных культур, и, безусловно, не пропагандирует распространение этого движения. Однако к культурным процессам, связанным с интерпретацией наследия предков, необходимы доброжелательное и внимательное отношение. На наших глазах происходят события, смысловую глубину и значение которых мы пока что, возможно, не можем оценить вполне.

На самом деле многие люди, стоявшие у начала этого неоязыческого движения, не имели своей целью буквальную реставрацию латышской древности. Строго говоря, они сделали попытку выявить все на их взгляд лучшее в наследии балтийских народов, соединить это с “недостающими” у балтов, но имеющимися у других индоевропейских народов (и прежде всего индийцев) элементами культуры, и, сформировав стройную, непротиворечивую мировоззренческую и религиозно-культурную систему, внедрить ее в латышское общество.

Философию *диевтурибы*, основывающуюся на представлении о *Диевсе* – Небесном Отце, *Маре* – Земной матери, и *Лайме* – проводнице Мирового Закона-Судьбы, можно сопоставить с некоторыми монистическими воззрениями. *Диевс* (Бог) понимается как высший разум, который воздействует на конкретных людей, предопределяет их личные судьбы. Кроме философии, *диевтуры* разработали также собственную этическую систему и культовую практику.

Харальд Биезайс, знаток латышской культуры, отметил, что *диевтуриба* – единственное из религиозных направлений Латвии, провозглашающее себя совершенно независимым от христианства².

Особенность *диевтурибы* заключается, с одной стороны, в обращении к латышской (и шире – балтийской) традиционной культуре – мифологии,

фольклору, обрядам, представлениям, обычаям, а с другой - в очевидной задаче сформировать на этой основе четкую религиозно-культовую модель. Эта модель претендует на отражение "идеального устройства" латышского общества, выводимого диевтурами из фольклорных и этнографических материалов. Содержание своей религии диевтуры во многом идентифицировали с древней дохристианской "латышской религией". Большой поддержкой им служило высказывание Я. Райниса: "В наших народных песнях заключается древняя религия, которой нужно стать новой религией"³.

Главной задачей провозглашались воссоздание и практика латышского "богопонимания" и благочестия. В некотором смысле появление диевтурибы в Латвии было сходно с формированием литовского неоязыческого движения *ромувай*, а также кореллировало с целым комплексом явлений балтийского неофольклоризма.

Отношение к этому движению, его создателям и последователям всегда было в латышском обществе чрезвычайно разнообразным - от крайнего неприятия до восторга. Диевтуров можно упрекнуть в предвзятой трактовке фольклорных и этнографических материалов, некоторые выводы кажутся слишком искусственными, а оценки ряда событий в истории Балтии - слишком резкими и односторонними. Действительно, их труды чаще всего являются манифестацией своеобразной мифологии. Особенное внимание диевтуров обращено к просветительской и воспитательной работе. Они усердно занимаются формированием весьма своеобразного взгляда на латышскую историю, традиционную культуру и национальное самосознание.

Религиозно-общественное движение *dievturība* было создано в среде латышской интеллигенции, широкий слой которой начал формироваться только в 1860-х годах. Это сопровождалось обращением образованных латышей к наследию своих предков, некоторым романтическим восприятием балтийских "древностей", желанием

сопоставить их с другими культурами. Известная связь прослеживается между диевтурибой и направлением этнологической мысли в Европе, связанным с определением культурной сущности "арийского пранарода" (некоторые выводы которого, между прочим, позднее легли в идеологическую основу и германского национализма).

Как и у любого идейного движения, у диевтурибы была своя предыстория. Она отчетливо проявилась во второй половине XIX в., и была связана с деятельностью младолатышей - Юриса Алунана и поэта Микелиса Крозземиса (Аусеклиса).

Различные "реконструкции" древне-латышской религии появлялись, конечно, под влиянием национальных движений романтизма. С конца XVIII в. в Европе становится модным создавать пантеоны божеств, нередко привлекая материал лингвистически родственных культур.

1912 г. в Риге было образовано Латышское этнографическое общество. Его целью было "собирать и издавать материалы, которые бы бросали лучи света на древнюю латышскую историю и показывали неопровержимую истину, что латыши вместе с литовцами и древними прусами (т.н. ветвь балтийских народов) - древний народ, родственник арийским, из которых в течение тысячелетий развивались все прочие народы Европы"⁴.

Конец XIX - начало XX в. было временем сложения истории латышского народа. Конечно, она основывалась на сведениях о реальных событиях, но немалую долю в ней занимали и легенды, мифологизированные предания, повернутые в русло первого латышского народного возрождения. Замечательная иллюстрация тому - описанный Ю.Алунаном "древний латышский город Труса", помещенный им в окрестности Кенигсберга. Там, якобы, собирались и торговали люди со всех окрестных земель - датчане, шведы, немцы, померанцы, поляки, русские, эстонцы, финны. Латыши от них получали большую прибыль. "Таким манером, латышские земли скоро разбога-

тели, и соседние народы захотели подчинить их себе. Особенно датчане и шведы стремились к латышским землям... но латыши, а особенно куры, будучи грозными людьми, почти всегда хватали шведских и датских солдат живыми и продавали в плен к арабам, которые за большие деньги покупали крепких шведских и датских мужиков от русских перекупщиков около устья Волги. Благодаря этой торговле, латыши получали от арабов тонкие ткани, драгоценные камни, золото и серебро, да в таком количестве, что богатством своим широко прославились. Таким манером, датчане и шведы, которые в те времена сеяли панику и ужас по всей Европе, остерегались и боялись латышей, а среди них особенно куров. Если даже шведы и датчане ничего не могли поделать против латышей, то нам легко понять, что латыши не были тогда такими скотами, как австралийские или другие рабские народы, которые теперь, наверное, вымрут под европейским нажимом, но были более образованы, чем шведы и датчане, которые в то время основали так много государств... То, что немцы смогли победить латышей, произошло благодаря разрозненности последних, и еще потому что латыши не владели так хорошо военным искусством как немцы, которые всегда воевали и с итальянцами, и с другими народами”⁵.

В 1858 г. в газете “Маяс виесис” (“Домашний гость”) вышла статья Ю.Алунана “Боги и духи, которых древние латыши некогда почитали”⁶. Перед глазами читателей предстал фантастический пантеон – “древнелатышский Олимп”, состоящий из более чем 20 персонажей, частично взятых из латышского и литовского фольклоров, частично выдуманных. Верховным богом назывался *Прамшанс* – предок всех других божеств, его супругой представлялась *Лайма*. Другие божественные пары – *Постниекс*, или *Пушкайтис* (насылающий тьму и болезни) и *Скаде*, и *Анишлавс* (отец света) и *Лига*.

Откуда автор взял имена большинства божеств – неизвестно. Литератур-

ный критик Янис Лапиньш в 1923 г. предположил, что, наверное, из какого-нибудь немецкого фельетона, или выдумал сам, основываясь на теории Шлегеля о происхождении латышей из Индии⁷. Юрис Сайварс высказал мысль, что имя “верховного бога” Алунанс взял из книги “Черты из истории и жизни литовского народа” (Вильна, 1854), в которой фигурировал бог жизненного предопределения *Прамжинас*⁸.

Идею создания и широкого распространения пантеона латышских божеств подхватил поэт Аусеклис (Микелис Кругземис). Характерно, что ни у Алунана, ни у Аусеклиса не появляются персонажи с именем собственным “Диевс”, а своих божеств именуют “божествами” с маленькой буквы – *dievi*.

Кружок петербургских латышей, к которому принадлежал Аусеклис, восторженно принял его идеи. Они ввели в обращение вместо “благодаря Богу” “благодаря Прамшану”⁹. Однако “древнелатышские Олимпы” Ю.Алунана и Аусеклиса просуществовали очень недолго. Основатель диевтурибы Эрнест Брастыньш назвал их “несчастной сказкой о Перконсе, Пиколсе и Потримпсе, у которой нет ничего общего с истинной латышской религией”¹⁰. Сам Брастыньш позднее пошел по иному пути. Он создал монотеистическую систему с верховным божеством – Диевсом, при том что другие божества (Лайма, Мара) понимались как его “аспекты”.

Видным предшественником диевтуров был учитель из г.Елгавы Юрис Лец. В вышедшей в 1917 г. книге “Древнелатышское богопочитание и повседневная красота души” он призывает: “будем же снова искать под порогом дома нашего Бога пропавшие заповеди, взглянемся в наши народные песни, наши народные предания – и найдем в них древнюю веру нашего народа, нашего старого латышского Диевса, который единственный может обновить народ в труде и добродетели”¹¹. Однако Ю. Лец обращается и к сравнениям: “Духовная культура латышского народа, основы её веры бы-

ли не только выше таковых у других арийских народов, но в некотором смысле полнее даже того этического учения, которое Моисей оставил своему иудейскому народу. В то время как учение Христа еще до сегодняшнего дня не вполне принято среди некоторых народов Европы, наш народ уже в седой древности имел представления о добродетелях, которые были гораздо ближе учению любви Спасителя, чем заповеди Моисея”¹². Подтверждая свои мысли, Ю. Лец ссылается и на немецких историков (например, Рихтера). Он делает вывод, что в течение первых трех столетий после введения христианства в Прибалтике нельзя говорить о каком-либо влиянии христианской веры на местные народы. Более того: он полагает, что и Реформация не принесла серьезных изменений (как бы не замечая при этом ни, например, деятельности пастора Э. Глюка, ни гернгуверского движения, ни по сути католическую культуру Латгале и некоторых других областей Латвии).

Возникновение диевтурибы как организации относится к 1925 г., когда в латвийской прессе появляются статьи одного из ее будущих лидеров Эрнеста Брастыньша, и выходит его книга “Возрождение латышской диевтурибы”. Одно из центральных положений - “латышам нужна своя латышская религия”.

Характер диевтурибы в немалой степени определился личностью ее организаторов. Эрнест Брастыньш (1892-1942) – полковник Латвийской армии, художник, археолог, историк, искусствовед, поэт, знаток латышского фольклора (и мастер переделывать его по собственным воззрениям), идеолог латышского национализма. Он воплощал в себе необыкновенную трудоспособность и целеустремленность тогдашней молодой интеллигенции Латвии. “В личности Э. Брастыньша причудливым образом сочетались стремление к знаниям и любовь к мистификациям, буйная фантазия романтика и солдафонские манеры”¹³.

Вместе с целым поколением латышских студентов-художников, в 1915 г.

он окончил Высшую Школу Искусств барона Штиглица в Петербурге, а затем поступил в Павловское военное училище, по окончании которого возглавил стрелковый полк. После обретения Латвией независимости в ноябре 1918 г., он стал заведующим Военным музеем в Риге, а несколько позднее работал в экспедиции Министерства Просвещения и в Рижском городском техникуме в качестве преподавателя истории графики и живописи. Э. Брастыньш участвовал в археологических экспедициях, зарисовывал и описывал раннесредневековые городища Латвии¹⁴; как художник и историк искусства он заложил основу изучения элементов, композиции и семантики латышского народного орнамента, что было подхвачено Екабом Бине, Эдуардом Паэгле, Янисом Судмалисом¹⁵. Главной же задачей своей жизни он считал дело возрождения “латышского духа” среди латышей, чему, по его мнению, и служило основание диевтурибы.

Как позднее признался Алфредс Гоба, начало было крайне малозаметным. “Сошлись два мужа и решили основать братство диевтуров. С каждым годом число диевтуров увеличивалось... Волна национализма, начавшего распространяться по миру, принесла и латышам национальное сознание и мировоззрение. Принесла латышам раньше чем другим народам Европы, потому что у латышей были самые тесные связи с предками наших арийских народов и с вечным арийским светом. Латыши самые последние отпали от своей религии и самые первые к ней обратятся обратно”¹⁶.

Начало диевтурибы следует искать в группе “Камолс” (“Клубок”), руководимой Виктором Эглитисом. Именно здесь рождались теории о новой латышской религии. Пастор Сандерс отстаивал летонизацию христианства: предлагал отказаться от Ветхого Завета, несколько переработать текст Евангелия, и создать новый культ в латышском духе. Писатель Меклерс был за создание новой синкретической религии, состоящей из элементов разных мировых культур, с культом по

образцу латышских обрядов и со святилищем на Синих горах в Курземе. Философ Рейзниецс полагал, что следует изобрести совершенно новую, еще небывалую религию. Э.Брастыньш придерживался мнения, что у латышей уже имеется замечательная и безупречная религия. Его поддержал инженер К. Брегжис; они двое и стали первыми диевтурами. В 1924 г. они посетили живущего в Елгаве Ю.Леца, откуда-то прослышав, что в годы первой мировой войны в оккупированной немцами Елгаве он призывал создать некое “нехристианское латышское братство”¹⁷. Поездка не увенчалась успехом: оказалось, Ю. Лец призывал отказаться вовсе не от Христа и его “благородного учения”, но только от “опорочившей себя” христианской церкви. Э. Брастыньш же сначала не собирался привлекать какие бы то ни было элементы христианства в свою новую религию. Он не признавал личность Христа реальной, полагая его “компиляцией из жизнеописаний Кришны и Будды”.

26 июля 1926 г. в Министерстве Внутренних дел Латвийской Республики было зарегистрирована Община Латышских Диевтуров (*Latvju dievturū draudze*), куда вошли Ю. Коса, К. Брегжис, В. Эглитис, Я.Дамбергс, Е.Бине, А.Гоба и другие. Среди первых диевтуров было много поэтов, писателей, художников. 7 октября 1927 г. в управлении по Духовным делам “Объединение общин диевтуров Латвии” было оформлено как религиозная организация за номером 111965. Возникли братства в Елгаве, Валмиере, Лиепае.

Еще до регистрации организации, в 1925 г. появился своего рода манифест диевтуров – “Восстановление латышской диевтурибы”, с подзаголовком “Краткое описание истории, мудрости и восхваления”. Позднее сам Э.Брастыньш признавался, что эта книга не была “до конца продумана”. Однако она представляет собой уникальный памятник поиска латышско-индийского исторического и культурного единства.

Здесь диевтуриба описывается как генотеистическая религия – признающая существование множества божеств, но поклоняющаяся только одному из них. Бог-Диевс понимается как “источник и начало всех ощущаемых и мыслимых миров”. Подчеркивается, что лучше всего древняя диевтуриба сохранилась в Индии, хотя и там она раздробилась на более чем тридцать направлений. Но в “книгах мудрости” разных школ сохранились “древние послания”, которые “близки нашим и помогут восстановить исчезнувшие места в нашей диевтурибе”¹⁸. Автор манифеста (возможно, сам Э.Брастыньш) находит индуистские параллели ко всем латышским фольклорным персонажам и божествам. Диевс – это тот же Вишну – “всезнающий” (“*Višņa – viszinis*”), или Ишвара – “всемогущий” (“*Išvara – visvaris*”), или Шива – “живой” (“*Žīva – dzīvais*”). Лайме – безусловно, богиня счастья Лакшми. Декла это Кали, “хранительница людей и городов, часть Лакшми”. Карта оказывается не чем иным как “Кармой, учением о последствиях деяний”. Усиньш это Ашвины, “наездники на солнечных конях”, и т.д.

Индийское наследие было важным источником для создания диевтурибы в годы ее становления. Это становится очевидным при знакомстве с проектом “Некоторые предложения для восстановления Латышской диевтурибы”, которым Э.Брастыньш занимался в конце 1920-х гг. Вот лишь некоторые предлагаемые им идеи. “В глубоких основах латышской диевтурибы лежат индийские арийские религиозно-философские учения, главным образом философия Веданты. Как неопровержимую истину (природный закон) следует принять учение о закономерности причины и следствия (Карма, Карта) и возрождение души, или учение о многократных воплощениях. Надо принять учение об Аватарах – Божественном воплощении (Логос, Ишвара, Вишна) в великих личностях, которыми были Рама, Кришна, Будда, Христос. На этой основе возможен некоторый компромисс с христианством...

Нужно издать “Новый Завет” в новом переводе, с сопоставлением с греческим текстом. Это новое издание следует сопроводить широкими комментариями с точки зрения философии Веданты на личность и учение Христа. Следует выпустить в народ древнеарийские священные книги, в первую очередь Веды, Упанишады, Бхагавад Гиту и др. Надо познакомиться с учением индийских йогов, и способах его реализации. В этой связи некоторым видным диевтурам было бы полезно предпринять паломничество в Индию, и провести там несколько лет. Так как Рабиндранат Тагор этим летом посетит Россию, стоило бы пригласить его заехать и в Латвию, а до того познакомиться его с индийско-латышскими родственными отношениями”¹⁹.

Большое внимание было уделено необходимости распространения диевтурибы в народе. От каждого нового члена Общины диевтуры ожидали следующих действий: чтения подготовленного сборника народных песен – дайн, самостоятельного сбора песен, преданий, обычаев, точной их записи и отсылки организаторам, а также ознакомления с диевтурибой и обращения в неё по меньшей мере двух своих ближайших друзей. В перспективе замышлялось строительство школ и церквей²⁰.

Другой активный деятель диевтурибы и соратник Э.Брастыньша, инженер Карлис Брегжис тоже попытался описать свое понимание новой религии. В 1931 г. он опубликовал брошюру “Учение латышской религии”, в которой описал 4 божественных закона – почитать и иметь Бога, семью, землю и имущество, и 14 добродетелей-заповедей предков (“будь добродетелен, целомудрен, радостен, мудр, красив, скромн, искренен, спокоен, послушен, почтителен, уживчив, любезен, мил и добр”). Крайне важным признается практика обрядов в семье²¹.

Вскоре Брастыньш создает то, что Х.Биезайс метафорически обозначил “библией диевтуров”. Это было три тома латышских народных песен (дайн), взятых преимущественно из со-

брания К.Баронса и Х.Висендорфа²². В первом томе – “Latvju Dievadziesmas”, вышедшем в 1928 г., были собраны песни о Диевсе (лтш. Dievs – одновременно и имя христианского Бога и божество, унаследованное балтами из общеиндоевропейской традиции), а также о других мифологических персонажах – Лайме, Юмисе, Усиньше, Солнце, Месяце, дочерях Солнца, сыновьях Диевса. Во второй части – “Latvju tikumu dziesmas” (1929г.) собраны песни о добродетелях (tikumi) – добре (labums), чести (gods), трудолюбии, любви. Последняя часть – “Latvju gadskārtas dziesmas” (1929 г.) – соединяла песни, связанные с календарными праздниками и связанными с ними культами и обычаями. Был выработан и новый календарь – т.н. “древнее летоисчисление”. Составленный неграмотно, он остался историко-культурным курьезом, и фактически не используется даже самими диевтурами. В более широкое употребление вошли только латышские названия месяцев, воспоминания о девятидневной недели и обычай приписывать ко всякой дате впереди одну единицу, увеличивая таким образом “эру латышской диевтурибы” на 10 тысяч лет.

Однако необходимо было и более краткое описание сути диевтурибы. В 1932 г. Э.Брастыньш пишет катехизис – “Dievturū Cerokslis”²³; (далее в тексте – Ц). На вопросы о том, имеют ли диевтуры единую идеологию и единое “вероучение”, Э.Брастыньш отвечал, что в диевтурибе, как и в христианстве, могут быть разные “конфессии”²⁴. С 1928 г. в Риге начал выходить первый журнал диевтуров – “Вестник диевтуров”, с 1933 г. – второй журнал “Лабиелис”.

Существенен вопрос о роли диевтуров в жизни Латвии. Какое же влияние они имели на соотечественников, какой популярностью пользовались, какую славу заслужили?

В некоторых статьях отмечается, что диевтуры не участвовали в политической жизни Латвии, партийной борьбе. К такому положению стремился Карлис Брегжис, который высшим

долгом всякого диевтура полагал “не позволять использовать диевтурибу в политических целях и в межпартийной борьбе”²⁵. Но среди организаторов не было единого мнения на этот счет. Более того: в статьях и выступлениях Э.Брастыньша чрезвычайно сильным был политический элемент. Вот что он пишет статье “На благо латышской Латвии”: “Демократия со своим парламентаризмом не в состоянии объединить народ, привыкший слушаться хозяина, вокруг общих идеалов и дел. Все как один мы чувствуем: нашей земле недостаёт хозяина... Необходимо создать нечто, что ограничило бы своеволие, лень и неумелость... Нужен Строитель Латвии, по плану и мудрой воле которого работали бы все латышские руки... Последнее, и самое сложное – *латышскость*. Древняя *латышскость* столь новое явление, что нам самим она еще вполне чужда. Как ещё мало тех, которые почитают традиции, как особую ценность нашего народа...”²⁶. Многим из диевтуров было понятно, что при удачных обстоятельствах сам Брастыньш и должен был бы стать диктатором и Строителем Латвии. В письме к нему от 29 января 1933 г. некий Вилис Эйценс возвещает: “Мы, небольшой кружок латышски мыслящих людей, хотели бы именно Тебя когда-нибудь видеть латвийским Муссолини. Это вовсе не утопия, и Ты не должен воспринимать это как лесть”²⁷.

Уже в 1932 г. Э. Брастыньш и Е. Бине становятся участниками Латышского народного объединения “*Угункрустс*” (“Огненный крест”), руководимого идейным лидером латышского национализма Густавом Целминьшем. Это была одной из крайне правых националистических организаций. В 1933 г. она была закрыта в судебном порядке, но вскоре её участники реорганизовались, и сформировали организацию “*Перконскрустс*” (“Крест Перконса”, или “Громовый крест” – название было предложено Э. Брастыньшем, который сам вошел в один из ее блоков). Э.Брастыньш оказывал “друзьям по борьбе” финансовую поддержку, ис-

пользуя, между прочим, деньги, собранные на строительство церкви диевтуров²⁸. Отметим, что за исключением очень недолгого периода (около полутора лет – с 1932 по 1934 гг., и в августе 1941 г.) “Перконскрустс” работал нелегально.

В результате этих контактов деятельностью диевтурами заинтересовалось Политическое управление. Э.Брастыньш в срочном порядке приостановил своё активное сотрудничество с “Перконскрустс”, мотивируя это идейными разногласиями. Но многие члены той организации начали работать среди диевтуров, используя при этом свою символику (например, при приветствии простирали горизонтально вперед правую руку). Организация диевтуров расширялась. Образовались ответвления-ячейки (*puduri*): “Академическая” (для распространения идей среди студентов и преподавателей университета и других учебных заведений), “Витаута” (для связи с литовскими неоязыческими кругами), “Аусеклиса” (публикация работ диевтуров в прессе) и др. В Политическое управление поступают сведения о том, что при организации диевтуров работают запрещенные политические партии. В марте 1935 г. Управление Духовных дел, при котором диевтуры были зарегистрированы, обращается на Теологический факультет Латвийского университета с просьбой охарактеризовать их религиозную и культурную деятельность. 10 мая был получен ответ, в котором “Объединение братств диевтуров Латвии” не признавалось религиозным объединением, а его дальнейшее существование не оценивалось как полезное в культурной жизни Латвии²⁹. 28 мая 1935 г. Министерство Внутренних Дел Латвии прекращает деятельность диевтуров как религиозной организации³⁰. Благодаря хорошему отношению к диевтурам со стороны министра Общественных дел Алфреда Берзиньша, полного закрытия организации удалось избежать.

Но, как верно замечает Юрис Сайварс, это стало для диевтуров только лишней возможностью обвинить хри-

стианскую церковь в “грязных инситуациях” против латышской культуры. Правда, вскоре после этого интерес самого Э. Брастыньша к диевтурибе ослабевает. Заходила даже речь о самоликвидации организации. В конце 1937 г. Брастыньш пишет: “Ни одному латышу никогда не было нужно никакое братство... “Объединение братств диевтуров” было создано только для того, чтобы освободить всех латышей от духовного ига. Когда это произойдет, братства диевтуров и Объединение братств, выполнив свою задачу, станут лишними... Никакое “исчезновение” не грозит диевтурам, даже если не будет ни одного члена братств”³¹. Однако в публичной речи он восклицал: “Мы боролись в течение 10 лет, и чего достигли? Нас только около пятисот. В Риге примерно 300 тысяч жителей, из них около 200 тысяч латышей. Я говорю: латыши – негодные! Несмотря на наши усилия, нас только пятьсот, а где те остальные?”³².

В 1940 г. подводились итоги: “Мы не жалуемся. Но мы ничего и не оставляем. Таковы люди, такова человеческая природа. Если диевтуриба не распространилась настолько, насколько мы того желали, то пожалуйста, не обвиняйте нас, деятелей первой стадии (т.е. сложения диевтурибы). Мы делали, что могли. Вторая стадия (т.е. рас-

пространение диевтурибы) не находится в нашей власти. Будем ждать других людей и другие обстоятельства”³³.

После присоединения Латвии к Советскому Союзу в июне 1940 г. диевтуры были одними из первых латышей, подвергшихся репрессиям. Э. Брастыньш был арестован 6 июля 1940 г. как “организатор и лидер реакционного общества “Братство диевтуров”, имеющей связи с националистической организацией “Перконскрустс””. 24 мая 1941 г. постановлением Особого Совета при Народном Комиссаре Внутренних Дел он был отправлен в исправительный лагерь как “социально опасный элемент”, а 27 декабря 1941 г. приговорен к расстрелу. 28 января 1942 г. приговор был приведен в исполнение³⁴.

Дальнейшая судьба диевтурибы была связана с деятельностью латышских эмигрантов в США, Канаде, Австралии, Германии, Швеции. Главными центрами диевтурибы стали США и Канада, где позднее сформировалось “*Latvju dievturū sadraudze*”. Руководство диевтурами возглавил брат Эрнеста Брастыньша Арвид. В 1955 г. в США было возобновлено издание журнала “*Лабиепис*”. Он стал выходить дважды в год; примерно половина публикуемого материала была перепечаткой из старых довоенных номеров.

УЧЕНИЕ ДИЕВТУРОВ

“Мой народ! Ты - счастливейший из всех народов! У тебя еще есть своя религия, лучшая на свете. Истины ее тысячелетней давности, но они не увянут вечно... В настоящее время нам нужно выбрать одно из двух: задохнем ли мы и погибнем как народ, или снова обретем свою латышскость. Иных путей у нас нет. Диевтуриба хочет стать латышским сердцем народа. Она по-латышски украсит нашу землю и жизнь, она взрастит Латыша для Латвии и человека для человечества... Всем, кто не согласен с христианским

вероучением, кто жаждет истинной религии, тем диевтуриба даст новое мировоззрение, свободное от навязанных догм и чужих легенд... В первую очередь диевтуриба приглашает следовать за ней всех образованных латышей. Вы, образованные - голова и сознание народа. Вам нужно освободить Латвию от духовного рабства, как воины освободили ее от господ, висящих у нее на шее. Взращивайте в нашем народе уверенность, что с обращением к латышскому богопостижению в нашей жизни настанет новая эпоха... Быть но-

вому латышскому миру!" (Ц, 5).

С такими эмоциональными призывами полковник Латвийской армии Эрнестс Брастыньш обратился к латышам в своем "Церокслисе, катехизисе диевтурибы".

Что такое "диевтуриба"?

Название движения - *dievturība* - с трудом поддается переводу с латышского языка. Оно образовано от двух основ: *Dievs* - "Бог" и *turēt* - "иметь, держать", по аналогии с такими словосочетаниями как "иметь честь" (*turēt godu*), "иметь здравый ум" (*turēt prātu*). Стоит заметить, что глагол *turēt* Э.Брастыньш использует в значении *pielūgt, kalpot* - "поклоняться (Богу), молитвенно обращаться (к Богу), служить (Богу)". То, что приведенный круг значений появился только в связи с христианством, подтверждает сам же Брастыньш, вводя перевод на латышский язык одной из христианских заповедей в первый же параграф Цероклиса: "*tev nēbūs citūs dievus turēt*" ("да не будет у тебя других богов"). Таким образом, диевтуриба - "богопочитание/почитание Диевса". Для всякого диевтура диевтуриба означает "свидетельствовать о Диевсе латышским образом, Диевса восхвалять (*daudzina*), Диевса понимать, и этим руководствоваться в жизни".

Примечательно объяснение смысла слова "Церокслис", взятое в название важнейшего труда Э.Брастыньша о диевтурибе. По мнению автора, Церокслис - латышское слово, означающее катехизис. Он приводит выдержки из словарей Я.Лангия: "*Cerrokslis der grosse Catechismus*" (1,166), К.Мюлленбаха: "*katechismu sauca vecos laikos par cerekli*" (374.lpp.). Сам Брастыньш связывает "церокслис" с лтш. *cerēt, arcerēt, cerība* ("надеяться, собирать, надежда"), которые трактует как "обдумать, увериться" - *ardomāt, pārliecināt turēt* (Ц,2). При этом приводятся такой пример латышской народной песни: "Я, нянча крестницу, все хорошее собрала (предусмотрела - *arcegeju*), Пусть та растет чистой девушкой, всякую работу исполняющей". Таким образом, Церокслис Брастыньш

понимает как катехизис - краткое и сжатое описание диевтурибы, обучение с помощью вопросов и ответов (связывая это с греческим *katechein* - "обучать с помощью вопросов"). Весь этот труд представляет собой ряд вопросов, которыми Э.Брастыньш задается, и сам же на них отвечает.

Непосредственно содержание диевтурибы заключается в обучении тому, как человеку следует "проживать свой век" (*kā mūžs jādzīvo*), чтобы не испортить себя и не опротиветь Диевсу (Богу). Одним из важнейших элементов является знание, в частности знание того, каким образом "на этом свете" делается человек "того света" (*kā šajā pasaulē tiek darināts viņpasaulēs cilvēks*), и как здесь закладываются основы будущей жизни.

Народная мудрость, содержащая божественное откровение (*dievestība*), воплощена во всем образе народной жизни, в фольклорных текстах, поверьях, обычаях, в комплексе народных знаний. В латышской культуре Брастыньш справедливо отдает предпочтение народным песням (дайнам). Это действительно уникальное этнокультурное достояние латышей, содержащее большой пласт архаических индоевропейских мифопоэтических представлений³⁵. Чрезвычайный интерес представляют языковые, композиционные особенности латышских народных песен, специфика бытования, сюжеты, вариации тем.

Брастыньш называет дайны главным "приданным мудрости" диевтурибы. На каждый задаваемый в "Церокслисе" вопрос Брастыньш наряду с прямым ответом приводит и по две дайны, описывающие данную ситуацию. Однако их интерпретация вызывает многочисленные споры. Другим формам фольклора - преданиям, сказкам, пословицам - Брастыньш назначает место во втором "эшелоне" "приданого": "потому что они были сочинены с большим временным запозданием, их следует использовать с осмотрением" (Ц, 3).

Священный пантеон

В латышском фольклоре, как и в любом другом, невозможно выявить какую-либо однозначную и удовлетворительную для всех случаев классификацию сюжетов и мифологических образов (персонажей). На латышскую культуру влияли разные языковые модели - балтийская (восходящая к индоевропейской, генетически связанная со славянской, германской и др.), прибалтийско-финская (восходящая к финно-угорской и к уральской). Немалую роль сыграли и заимствования из соседних культур (скандинавских, славянских, возможно, есть и иные элементы).

Обратим внимание на то, что Брастыньш постоянно подчеркивает "нехристианский" характер латышского "божественного откровения". Все же "родовая принадлежность" автора к кругу христианских понятий, мотивов, идей ощущается довольно явно. Пытаясь опровергнуть тот или иной тезис, который Брастыньш полагает как важнейший для христианской религии, он уже расписывается в своей связи с ней. Созданная же религиозно-культуовая система - диевтуриба - то и дело предстает перед нами как латышское язычество, увиденное в искаженном зеркале христианства. Одно из важных его положений - представление о том, что христианство не очень глубоко прижилось среди латышей. Почему? Среди многих причин главная заключается в насильственном и поверхностном характере введения этой религии. История христианства в Латвии - это во многом история государственных учреждений и аппаратов управления, а не веры и мысли. Но религиозные переживания, - рассуждают диевтуры, - для латыша всегда были связаны с добром и радостью, светлым началом. Осознание зла и греха, свойственное "авраамистическим" религиям, всегда было чуждо латышам. Кроме того, "в отличие от христианства, ориентированного на теологию, для латышской религиозной жизни важны практика и мораль". Именно на этой основе диевтуры и начали свое религиозное строительство.

Задачей Э. Брастыньша было создание единого латышского религиозного культа (что вообще не свойственно самостоятельному развитию народной культуры), достаточно определенного (для чего он нередко "видоизменял" фольклорные тексты по своему усмотрению), но и способного аккумулировать - по мере необходимости - новые факты. Для этого была создана иерархия божеств.

Dievs - центральная фигура в теологии диевтуров³⁶. Э.Брастыньш определял диевтурибу как "благоговение перед Диевсом (Богом) и исполнение этических норм и культа". В первом своем сборнике латышских народных песен, а позднее и в "Церокслисе" Э.Брастыньш подчеркивает, что латыши "имели" (*turējuši*) одного Бога, то есть почитали, служили одному-единственному Диевсу. Важным для диевтуров было то, что Диевс в латышском фольклоре - имя собственное, а не нарицательное (это положение оспаривается рядом латвийских фольклористов). Следовательно - полагает Брастыньш - латышская религия монотеистична.

Общим местом всех диевтуров является противопоставление иудейского и христианского Бога - "ужасного судьи", часто гневающегося на людей, посылающего им и добро, и зло, и латышского "Боженки" (Диевиньша), известного как Небесный Отец, который не осуждает своих детей, но помогает им, охраняет их. "Латышского Диевса иногда можно встретить на земле как маленького человечка в сером одеянии, чаще всего как беднячка. Он могуществен, мудр, открыт для всякого и вечно добр. Диевс - для всех охранитель, помощник и милосердный, всех наставляет на путь"³⁷.

Диевс (Бог) полагается всеобщим началом, истоком, организатором, основой "древнего латышского божественного откровения" (*dievestība*). В иерархическом подчинении ему находятся богини Лайма и Мара: они выступают как его "проявления", и, максимально приближенные к нему, соединяют его с остальным миром. Его по-

стоянный эпитет - "Небесный Отец" (Debess Tēvs); по Э.Брастыньшу, он - высший духовный смысл латышской культуры, ее сознание и мысль (padoms un doma): "Жаворонок поет выше всех пташек,/ Ум Диевса возвышается над всем этим миром" (LFK 334, 1356).

Диевс - всеобщий породитель и повелитель (laidējs), но непосредственно от него проистекает только добро: "Диевс в латышском понимании - подаватель закона высшей добродетели, представитель всего наилучшего" (Ц,14). Он невидим и неслышим: "Диевс как бы скрывается за природой" (Ц,13): "Слышала Диевса рубящим, сына Диевса гонящим скот,/ Самого Диевса на видела за девятью кленовыми листочками" (LD 33777).

"Никакие слова не могут полностью охватить сущность Диевса. Только приблизительно человеческий ум может постичь, что есть Диевс. Латышский народ полагает, что ему принадлежит сознание всех сознаний, до конца не постижимое нашим умом. Проще говоря, при реализации сознания рождается мир во всем его многообразии" (Ц,11).

Этого единого Бога-Диевса Э. Брастыньш определяет как имеющего двойственную природу: его "можно назвать двойственным в том смысле, что он одновременно дух и материя, отец и мать, хороший и плохой. Все противоположности соединяются в Диевса" (Ц,12). Удивительно, но Брастыньш вносит христианство в ряд политеистических религий (зороастризм, религии древних греков и римлян), обосновывая это наличием здесь догмата о Троице (следуя такой логике, и диевтуриба не выглядит совершенно монотеистичной).

Почитают Диевса, обращаясь к нему, прося его (lūdzt), восхваляя его (daudzīnot), жертвуя ему (ziedojo) и чародействуя (ziņtējo) (Ц, 18): "Поели, попили, поблагодарили Боженьку:/ И Богу по нраву, что мы его восхваляем" (LD 19460,3). Э.Брастыньш пишет, что "для латышей их добрый Диевс (Бог) - цель всех целей и средство их достижения", а также что "латыш имел дело с

Диевсом самостоятельно, не ища никаких посредников Латыш не обращался к нему в большой толпе..." (Ц, 18).

В главу о Диевсе Брастыньш включает подразделы о двух связанных с ним явлениях. Сыновей Диевса (Dievādēli, широко распространенный образ в латышском фольклоре) он толкует как небесные светила и носителей света: "совершенно естественно, что считая Диевса Небесным Отцом, небесные светила и световые явления легко могли получить поэтическое имя сыновей Диевса. Сыновьями Диевса считаются не только Месяц, Перконс, Аусеклис, но также и возница Солнца Усиньш, и светлый Янис" (Ц, 19). Понятие "сыновья" (лтш. dēli) Брастыньш толкует как образованное от корневой основы det - "подавать", то есть "поданные от Диевса". Вопреки данным латышского фольклора Брастыньш записывает Солнце в "дочери Диевса", и называет его "женским проявлением Диевса".

Другой связанный с Диевсом образ - т.н. dievājs, человек с божественными (чудесными) силами и возможностями:

"Посылайте меня молоть, я чудесная (dievāja) молольщица:/ Намелю, сколько намелю, мои жернова гнутсастибаются" (Ц, 20). "Отчасти dievājs означает то же самое, что и "святой", и великий (gauss). Таким становится человек, почитающий Диевса и правильно живущий. Есть различные способы достижения этого состояния (paņākt dievājību). Индусы используют разные виды аскезы, буддисты - медитацию, христиане - молитву и аскезу. Латышская метода<...>- работа и благочестие (tikums)" (Ц,20).

Еще один необыкновенный персонаж, связанный с Диевсом - dievregis: человек, правильно понимающий и знающий, что необходимо делать и как рассуждать на благо "латышскости".

Диевс помогает людям, наделяя их успехом в работе. "Диевс может даровать человеку удачу и успех, которые не находятся в распоряжении человека. Через совпадение различных обстоятельств можно тормозить или поощрять деятельность человека. Только

совершенным лентяям и бездельникам Диевс мало помогает. Успех - сверх-природное явление, происходящее от Диевса" (Ц, 15).

Высший дар Диевса - счастье (laime): "От глагола "пускать" (laist) позднее произошли имя нарицательное - счастье (laime) и имя собственное Лайме (божество счастья) (у Брастыньша, как и в латышских диалектах, чередуются две формы ее имени - Лайме и Лайма). В народных песнях встречаются четыре значения этого слова - "возможность", "судьба", "событие" и "божество счастья" (Ц, 17).

Богиня Лайме - проявление и воплощение Божьего (Диевса) промысла, судьбы, распорядительница человеческой жизнью. Через нее в мире действует закон и порядок: "Милая Лайме, дочь Диевса, приходи делать песни./ Говори песни, пой сама, о молодых, о старых" (LD 35804).

По мнению Э.Брастыньша, самостоятельно Лайме как бы не может изменить ничего предначертанного Диевсом: она так же связана с ним, как рука с телом. "Верховный определитель судьбы - Диевс, первосоздатель всего" (Ц, 21). Лайме, как и Диевс, невидима: "Многие ошибаются, слыша дайны о путешествиях Лайме, ее помощи, полагая, что латыши верили в антропоморфных богов. Это неверно, т.к. древние латыши лучше нашего знали, что есть поэзия, что сказание, что - правда" (Ц, 22).

Кроме "собственно" Лаймы существуют еще две "Лаймы" - Декла и Карта (по аналогии с другими индоевропейскими широко известными богинями судьбы - греческими Мойрами, римскими Парками, германскими Норнами). Функции Деклы (Dekla, с корнем *det* - "подавать, кормить, выкармливать") заключаются в выкармливании, пестовании и охране детей, Карты (Kārta, с корнем *kārt* - "устанавливать, вешать") - в помощи при росте и созревании. Однако такое разграничение функций довольно гипотетично и не всегда подтверждается даже приводимыми самим Брастыньшем фольклорными текстами: "Декле мой век уста-

навливала, сидя на трех стульях./ Садись, Декле, на один стул, устанавливай мне один добрый век" (LD 1216).

В противоположность Лайме (счастью) существует Нелайме (несчастье): "Две лайме на свете: одна добрая, другая злая; / Обе две надо прожить, и в добре, и во зле" (LD 9174v). Вот как Брастыньш представляет генезис зла: "Все человеческое мышление основывается на противоположных понятиях: свет и тьма, добро и зло, Счастье и Несчастье - одно без другого не мыслится. Как говорилось, прямо от Диевса зло не приходит. Но в поток добра окольным путем могут затесаться вихри, видимо вертящиеся против направления основного движения. Во владениях Диевса могут появиться такие явления, которые с точки зрения человека кажутся нехорошими, злыми, несчастливыми... Несчастье можно назвать "космическим злом", против которого трудно бороться человеческими силами. Поэтому для борьбы с Несчастьем латыш звал на помощь Диевса и Лайме" (Ц, 26).

Но имеет ли зло, согласно этой системе, субстанциональную основу (т.е. эти противоположно направленные вихри - реальны ли они, или это плод несовершенного человеческого сознания)? Если нет, то, значит, это зло приходит все-таки от Диевса (ведь другого источника, согласно первым постулатам диевтурибы, нет). Если же да, то этим уничтожается заявление Брастыньша о монотеизме диевтурибы, и возникает второй вопрос: а каков же источник зла?

Э.Брастыньш пишет, что человек сам не может избежать своей судьбы или изменить ее. Странно, однако, то, что и Диевс не участвует в устройстве судьбы человека (как это можно было бы ожидать по логике сказанного выше): "из дайн мы видим, что предначертанное на веку не очень зависит от человека или от труда его родителей. Главное направление жизни больше зависит от того, где была Лайме в момент определения судьбы: сидела на стуле, или не яблоне, стояла на горе или в низине. Основу жизни в большей

степени предопределяют случайность, нечаянность, окрестности места рождения и его момент, а также задумка самой Лайме". Правда, "в мелочах судьба всёгда находится в руках человека" (Ц, 28).

Узнать свою судьбу трудно, но возможно: "латыши, как и многие другие народы, стремились узнать судьбу, или счастье <...> В некоторой степени предугадывать что-то мог каждый латыш, как наблюдая происходящие вокруг событиям, так и всячески гадая" (Ц, 29).

По аналогии с понятием *dievājs* Э.Брастыньш вводит такую категорию людей, как *laimojs* (букв. "счастливый") - "тот, кому все удастся, у кого все дела отскакивают от рук, всякое дело хорошо завершается, кто быстро во всем добивается успеха... Такие люди приносят удачу и счастье и тем, с кем встречаются" (Ц, 30): "Иди, иди, невестушка, иди, чудная (*dievoja*), иди, счастливая (*laimoja*);/ Иди, чудная, в хлебушек, иди, счастливая, в телятушек" (LD 22776).

Материальное воплощение, проявление, "особенность", "принадлежность" (*īpašība*) Диевса - Мара³⁸. Э.Брастыньш определяет Мару как противоположность (*pretīse*) Диевса: "Уже упоминалось, что Диевс двойственен (*dievātīgs*). Эта двойственность уже с древних времен рассматривалась как Дух (*Gars*) и Материя, Отец и Мать, Небо и Земля. Поэтому Диевса часто изображали двуликим - одновременно мужчиной и женщиной. Такое изображение у древних куршей наблюдал Преториус. Божественная (*Dievišķā*) Мать по имени Мара - одно из древнейших и глубинных понятий человечества. О наших древних аэстиях Тацит в 98 г. писал: "Они почитают некую Божью Мать" (Германия, 45)" (Ц, 31).

Однако в латышском фольклоре связь образов Диевса и Мары почти всегда инспирирована народным прочтением христианства: в текстах, где они оба фигурируют, обычно есть сквозной сюжет с явным влиянием христианства. Сам образ Мары представ-

ляет собой, вероятно, соединение нескольких языческих культов и культа Пресвятой Девы Марии. В обоих случаях - и с Диевсом/Богом (лат. *Deos*), и с Марой/Марией произошло наложение по меньшей мере двух (местной, языческой и привнесенной, христианской) культовых традиций, причем это происходило на фоне совпадения корней имен собственных священных персонажей.

Э. Брастыньш пишет, что во власти Мары находится вся телесная жизнь вселенной, живая и неживая природа. "Мара это Земля или Материя, со всеми ее разнообразными силами и видами, поэтому и землю в наших народных сочинениях называют землей Мары" (Ц, 32). Заметим, что понятие "земля Мары" (*Māras zeme*) двояко в латышской культуре. Так была названа Ливония ("земля, посвященная Пресвятой Деве Марии") в конце XII-нач. XIII вв. немецкими католическими миссионерами, но так называют и кладбищенскую, могильную землю, которая часто фигурирует в колдовских словах, заговорах, и соответствующих им магических обрядах.

Э.Брастыньш, делая еще одно отступление от первоначального постулата о "монотеизме" диевтурибы, пишет: "Вся арийская религия построена на двойственности (дуализме): Небесный Отец и Земная Мать" (Ц, 32). Связь латышской Мары с Пресвятой Девой он не отрицает, но толкует ее весьма своеобразно: "При введении христианской веры Материя была отдана Сатане, и на земле воцарился ад. Так, Маре пришлось воспринять иные обманные формы, стать католической Марией, чтобы сохраниться в людской почитании" (Ц, 32). Надо сказать, в этом замечании есть доля истины, но, будучи синкретическим, образ Мары все же сильно преобразовался, и во многом представляет собой латонизированный христианский культ.

Согласно Э.Брастыньшу, Мара имеет бесчисленное количество имен или прозвищ (*pavārdi*) - Мать Воды, Мать Моря, Мать Леса, Мать Молока, Мать Могилы, Мать Велей (духов усопших),

Мать Чумы и прочие. В качестве наиболее всеохватывающих он называет следующие: Небесная Мать, Мать Природы и Мать Людей. Реконструируя единую богиню, которая как будто скрывается за всеми этими именами, Брастыньш приводит параллели женских богинь у египтян (Исида), греков (Деметра), германцев (Фрейя) и других народов. По его мнению, Мара является их латышским аналогом.

Все предметы имеют своих “матерей”. Если Диевс у латышей по Э. Брастыньшу всегда благ, то Мара - “милая” и “святая”. Мара - Мать, подательница жизни и ее “возвращательница” (*auklētāja*). Эпитет “милая” *mīla* - “милая, дорогая, любимая”) связан с любовью, а “святая” (*svēta*) первоначально означало “белая”, “чистая”, “сияющая”. Мара связана со всеми предметами, в особенности с домашним скотом, богатством, покровительствует женщинам и является подательницей плодородия. “Однако временами Мара, как и Лайме, может оказываться злой для людей. В особенности это происходит тогда, когда надо умирать, потому что Мара требует у души обратно данное ей тело” (Ц, 35). Верные параллели Мары в других культурах - русская кикимора, немецкий *Nacht Magt*, буддийский демон Мара. Вот что пишет Брастыньш о почитании Мары: “Как Диевса, так же и Мару вспоминают, просят, благодарят, восхваляют, делают ей жертвования и познают ее. С древности были установлены особые празднования исключительно в честь Мары. В середине недели празднуется вечер четверга и день рождения Мары <...> Вечер четверга, называемый также пятничным вечером, был древней серединой недели и посвящался отдыху. В календарном цикле, в начале осени празднуют день Мары. Позднее католическая церковь установила еще другие дни Мары, но в дайнах они не упоминаются” (Ц, 39). Так называемые календарные “дни Мары” - важнейшие Богородичные праздники. До появления в Латвии христианства, кроме “пятничного вечера”, по-видимому, не существовало

других календарных праздников, в ходе которых почитали Мару (единственным исключением могут быть зимние святки, но и это только гипотетично).

В отличие от Диевса и Лаймы, Мару можно видеть и слышать: все, что человек воспринимает с помощью органов чувств, обладает сущностью Мары.

Согласно диевтурибе, Диевс, Лайма и Мара - единственные божества в настоящем смысле этого слова, и к ним латыши обращались, призывали их.

Мифология диевтурибы

Отдельную небольшую главу Э. Брастыньш посвятил “злым силам” (“*Par ļaunājiem*”). Зло приходит в мир через Несчастье (*Nelaimē*), Злой день (*Ļaunā diena*) и злых людей. К злым существам Э.Брастыньш относит также Велнса (Черта), Йодса и Накталей.

Велнса он определяет как существо из царства велей (душ усопших предков). Места его обитания - болото, озеро, ямки под камнями. С ним борются Диевс, Перконс и люди. “Велнс никогда не был непобедимым противником Диевса - Небесного Отца. Над Велнсом может одержать победу каждый овинщик, не говоря уже о Диевсе и Перконсе. Во время грозы (*Pērķona laikā*³⁹) черти прячутся под камнями и перевернутой посудой. Велнс боится креста. Можжевельник и рябина - средства против чертей и другой нечисти, так как “у можжевельника, рябины крестик на конце ягодки” (*LD 34130*)” (Ц, 41). Далее Э.Брастыньш уточняет, что черти (*velni*), по-видимому, суть нечистые или злые души усопших (*ļaupi veli*). Они “шаловливы, глупы, неприглядны. Велнс рвет, забирает, душит, задавливает, трясет, дергает и делает другие неприятности. Велнс присваивает не взятые Диевсом души. Часто его призывают в гневе и негодовании” (Ц, 42).

Йодс тоже определяется в “Церокслисе” как существо царства душ усопших, как воплощение тьмы, древняя противоположность Диевсу-свету (заметим при этом, что в определении

самого Диевса Брастыньш пишет, что Диевс соединяет в себе все противоречия - Ц, 12). "Йодс не то же самое, что Велнс: Йодса не упоминают в связи с адом, его не уничтожает Перконс, от него не защищаются крестом и т.д. У Йодса есть собаки, кони... В своем словаре Старый Стендер пишет, что Йодсы считаются душами воинов. В народе говорят, что во время битвы на небесах появляется северное сияние" (Ц, 43).

Нактали (Naktaļi - букв. "Ноченьки") по Брастыньшу - ночные страхи. "В темноте после захода солнца тут и там мечется всякая нечисть, которая не выносит света... Путники, которым приходилось путешествовать по ночам, покрывают коней звездчатыми покрывалами, потому что Нактали боятся знака звезды... Возможно, Нактали - женская половина Йодса" (Ц, 44).

Из злых людей Брастыньш отмечает завистника (недоброжелательного человека), ведьму (злую женщину со сверхъестественными способностями), колдуна (человека, который может случайно делать добро и зло); из сказочных персонажей - пукиса (змееобразного похитителя вещей), песиголовца (sumpurnis), волколака (vilkācis), ночного нечистого духа (lietuvēns).

В борьбе со злыми силами люди призывают Диевса и Лайму, а также используют заговоры и предметы-обереги с охранительными знаками (в том числе крестом⁴⁰).

Мир и человек

Особый раздел "Церокслиса" посвящен космологическим представлениям диевтурибы. Мир (pasaule) Брастыньш толкует как "все, что находится под солнцем" (viss, kas zem saules). "Насколько распространяется солнечный свет, настолько широк Мир. Теперь мы знаем, что потоку света нет конца, что Мир бесконечен. Это нас пугает, потому что сознание не в силах вообразить бесконечность, в которой дали простираются на миллионы световых лет. Но в ограниченной повседневности мы называем Миром нашу матушку Землю с ее небесами, людьми, существами. Как бесконечный, так и конечный Мир

в конце концов это сам Диевс и его Творение (Laidums) в образах Лайме и Мары" (Ц, 51). По Брастыньшу, мир (pasaule) поделен на две части: "этот" (šī pasaule) и "тот" (viņsaule), которые пронизывают друг друга (ir iemērtas viens otrā), и это их взаимодействие особенно отчетливо видно на живых существах.

Человек на своем веку сначала "гостит" в первом, затем навечно переходит во второй. "Пока человек жив, он живет в двух мирах телесном (māriskā) и божественном (dievišķā). Материальное тело и божественная душа - каждое принадлежит своему миру. Тело - принадлежность "Этого мира", душа - "Того". Только после смерти человек окончательно освобождается от бремени материи. Однако из границ мира в его широком значении и освобожденная душа не выходит.

Основная характеристика "Этого мира" - разнообразие, многочисленность элементов и изменчивость. "Тот мир" - неведом, хотя несколько раньше Брастыньш отмечает, что он составлен из той же "материи", что и сны, и мысли. Человек - звено, связующее эти два мира: "из предметов Этого мира мы ничего не можем взять с собой в Тот мир..., но есть кое-что другое, что мы можем накопить в Этом мире, а именно - Пережитое в Этом мире. Эти внутренние переживания мы получаем из событий и вещей внешнего мира с помощью органов чувств. Эти жизненные переживания мы можем считать Памятью мира, или Внутренним миром. Внутренний мир строится не только из материи и сил Этого мира, но и из душевной, духовной материи Того мира" (Ц, 53). Брастыньш пишет, что все узнанное и пережитое человеком в Этом мире в Том мире не будет забыто благодаря этому Внутреннему миру, который и переносится после смерти из Этого мир в Тот. Таким образом, весь образ жизни человека влияет на его будущую судьбу после смерти.

Э.Брастыньш отмечает, что хотя латышский фольклор содержит немалую информацию об обоих мирах, оба они

до конца не могут быть познаны; наиболее адекватным откликом души на установления и явления мира является выраженное в латышских дайнах чувство удивления и очарованность души (*izbrina dvēselī*).

Важное место в диевтурибе занимает тема человека. Э.Брастыньш отмечает, что тайна воплощения, жизни и смерти человека - величайшая в природе; ее смысл заключен в соединении всего живого в неразделимое целое. Человек рождается от Диевса, Мары и родителей: прямо с небес он попадает в "колыбель Мары", на колени к матери.

Человек соединяет собою три субстанции: душу (*dvēsele*), дух (*velis*) и тело (*augums*). Тело (*augums*, от лтш. *augt* - "расти") является "чудесным инструментом", полностью принадлежащим Маре и созданным для служения душе. Тело дает душе возможность существовать в "Этом" (телесном) мире, ощущать его, приобретать впечатления. "Все, что есть у нас в уме и сердце, попадает туда только через тело. Душа может познать внешний мир только слушая, смотря, обоняя, осязая... Тем, что тело дает душе, та кормится, становится полнее, и со временем устраивает свой внутренний мир, который остается после того, как тело уничтожается. Поэтому мы можем сказать, что тело - взраститель души, и поэтому не должно быть оставлено в забвении, но за ним следует ухаживать и почитать его" (Ц, 63).

Душу (*dvēsele*, от лтш. *dvest* - "дышать") Брастыньш определяет как частицу Диевса, временно воплощающуюся в теле; после смерти она, обогащенная познанным и пережитым в Этом мире, возвращается обратно. Латвийская душа сопоставляется Брастыньшем с древнеегипетским "Ва", древнегреческим "*soma psihicon*". Главное ее свойство - наличие в ней жизни; в народном сознании понятия "душа" и "жизнь" часто взаимозаменяемы. Душа стремится к чистоте, так как если она нечиста, то ей трудно вернуться к Диевсу: "Живя в нечисти, душа может отравиться так, что с трудом доберется

до "дверей Диевиныша", то есть встретится с божественным" (Ц, 64).

Дух (*velis* - душа или "дух" усопшего) сопоставляется с древнеегипетским "Ка" и древнегреческим "*soma pneumaticon*", и называется Брастыньшем "тонким телом", "двойником" человека. Изобретением Брастыньша является положение о том, что эта субстанция соединяет в человеке тело с душой (*velis* - "посредник между телом и душой", он "связует тело и душу, так как они слишком различны и сами не могут соединиться" - Ц, 65). В течении жизни человека его *velis* "почти никак не проявляется", он как бы срастается с телом, повторяя его очертания. Состоит он, по мнению Брастыньша, из "удивительной лучевой материи". Он подвластен иным законам природы, нежели тело и душа, и живет гораздо дольше тела... После смерти он возвращается обратно и навечно в живую природу, потому что дух (*velis*) принадлежит материи, а не душе" (Ц, 65).

Смерть - это процесс разделения этих составных частей человека, и возвращение их к создателям, Диевсу и Маре.

В сферу антропологических представлений входят описанные в Цероклисе необыкновенные роды людей: *dievājs* - человек с божественными силами и возможностями (таким становится человек, живущий правильно и почитающий Диевса), *laīmojs* - счастливец, которым всегда сопутствует удача (что предопределено судьбой). С другой стороны, существуют и злые, вредные люди. Они задевают других людей словами, злыми пожеланиями и действиями. К этим же людям, "не видящим добра", Э.Брастыньш причисляет пьяниц.

Действует человек благодаря силе (*vara*) - данными Диевсом телесными и умственными способностями трудиться и побуждать к труду. Особыми способностями Брастыньш называет колдовство (опосредованное воздействие), которое он делит на *zintēšana* - добрые - и *zāvēšana* - злые деяния.

Чрезвычайно большое значение диевтуриба придает "проживанию чело-

веком века" (*mūža dzīvošana*). "Век начинается на Этом свете и продолжается на том... Проживание века на Этом свете считается гостеванием, которое никогда не бывает долгим. Гостя на Этом свете, душа приобретает все содержание своей следующей жизни, так как земной век закладывает основу загробной жизни" (Ц, 72). Судьба может быть благоприятной и неблагоприятной, но жизнь нужно стараться прожить так, чтобы "душа получила глубокие и дружные переживания" (Ц, 74).

Этика диевтурибы

Упорядочивают и облегчают жизнь привычки (*ieradumi*). "Чтобы наш жизненный опыт стал глубже, осознанное чище, переживания сердечнее, для этого надо держаться установленного. Со временем привычки переходят в народные обычаи, которые упорядочивают людскую жизнь из поколения в поколение. Поэтому привычки называют также традициями (*traditio* - передача), ведь родители передают их детям... Если бы не было наследуемых установлений, то всю житейскую мудрость каждому приходилось бы отыскивать самому, но век отдельного человека слишком короток, чтобы успеть это сделать. Поэтому стоит примкнуть к более длинному веку, а это - жизнь народа. Народ вечен, если только Несчастье не прервет этот век" (Ц, 75).

Важнейшие этические нормы диевтурибы заключены в разделе "О жизненных добродетелях" (*Par dzīvošanas tikumiem*). Э.Брастыньш подразделяет добродетели (*tikumi*) на 4 части: главная (*paattikums*), личные (*paštikumi*), народные (*lauztikumi*) и божественная (*dievtikums*). Главная добродетель - доброта (*labums*): "Все мне было хорошо, когда я сама добра; все было бы мне плохо, если я сама зла зачинательница" (LFK 530,3638).

"Если бы все были добрыми, тогда зла больше не было бы... Понятие добра вмещает в себя правильное поведение по отношению к себе, другим и к Диевсу. Добро считается высочайшей достижимой целью как в практических, так и в духовных ценностях. Его опекун и податель - сам Диевс. Людей,

больше всех скопивших материальные и духовные блага, в древности называли *Labiesi*. Это слово означало то же самое, что и аристократ в своем первом значении" (Ц, 81). Личные добродетели - мудрость (*gudrība*), трудолюбие (*darbīgums*), красота (*daiļums*) и радость (*līksmība*). Ум Брастыньш определяет как "понимание намерений и целей"; трудолюбие приносит человеку духовное и материальное богатство; красота и радость - присущие латышскому мировоззрению жизненные ценности. Народные (людские) добродетели необходимы для общения людей и народов. Это любовь (*mīlestība*), согласие (*saderība*), щедрость (*devība*) и правдивость (*taisnība*). "К мудрости, красоте, трудолюбию, радости каждый может стремиться обособленно, но в любви всегда нужно искать кого-то другого... Все религии почитают любовь как самую первую добродетель, которая выстраивает людское сообщество. Семья и род были ближайшим кругом для этой людской добродетели... Но на чужаков и чужеземцев добродетель любви обычно не распространяется; к взаимоотношениям с ними применяется другая людская добродетель, а именно согласие/дружба, которое гасит неприязнь и войны" (Ц, 86). Щедрость Брастыньш толкует как "отклик от себя во благо другого", а правдивость "основывается на требовании, чтобы каждый делал то, что нужно, чтобы всякий получал то, что ему полагается, и чтобы один не вредил другому" (Ц, 88,89). Единственной Божьей добродетелью (*dievtikums*) Брастыньш называет богобоязненность (*dievbijība*), которая выражается в "священном трепете перед всем добрым и добродетельным, а также в выполнении установленных Диевсом /Богом законов". "Богобоязненность как добродетель предопределяет многие действия, одухотворенные благочестием и чувством уважения" (Ц, 90).

Календарь и праздничная культура

Немалое значение диевтуриба придает праздникам. Хотя божества постоянно присутствуют рядом с челове-

ком в его повседневной жизни, особенно ощутима эта связь во время праздников. Диевтуры полагают, что праздничные обряды придают всему течению жизни “приятность и красоту”.

Э.Брастыньш отмечает три торжественные момента в жизни человека (так называемые *mūža godi*). Крещение (*krustības*) это принятие новорожденного в круг рода и семьи путем испытания, опущения на мгновение в воду. Брастыньш пишет, что этот обряд был распространен у арийских народов издавна, проходил на девятый день после родов, причем уже тогда после окунания ребенка приносили к изображению креста и божились его охранять и защищать. Свадьба (*vedības*) - нерасторжимое соединение мужчины и женщины; развод может произойти только в том случае, если сама Лайма этого пожелает. Похороны (*bēres*), во время которых тело усопшего предается Матери Земле - проявлению Мары.

В “Календарных песнях латышей” и “Церокслисе” Э. Брастыньш предложил новый календарь – т.н. “древнее времяисчисление”. По мнению автора, древние латыши пользовались годовым календарем, состоящем из 36 десятидневных недель (*mendaļa*), и одной рождественской “полунедели” - пяти “святых дней”, которая через каждые

четыре года увеличивалась до шести дней⁴¹. 12 месяцев состояли из 30 дней и 3 недель (“Диедаля”, “Лайдаля” и “Мадаля”). В году выделяется 4 сезона – зима, весна, лето и осень.

Календарные праздники Э.Брастыньш подразделил на праздничные мгновения (*svinīgie brīži*), дни (*dienas*) и периоды (*laiki*). Воскресенье (*svētdiena*) - “чистый”, или “белый” день недели, десятый день, предназначенный для отдыха и радости. Вечер с четверга на пятницу, т.н. “пятый вечер” (*piektvakars*), и девятый день недели (по Брастыньшу – “полупраздничный”, *pus-svēte*), тоже включены в праздничный цикл диевтурибы. Каждый день почитается закат-проводы солнца (*Saulcelīte*). В календарном цикле Брастыньш особо выделяет и описывает в Церокслисе масленицу (*Metenis*), Пасху (Великий день, *Lieldiena*), день Усиньша (23 апреля, начало лета), ночь Яниса (23/24 июня, макушка лета), “Большую Мару” (Успение Богородицы 15 августа, начало осени), день Мартына (14 ноября, начало зимы) и Рождество (святки, *Ziemassvētki*). Все эти праздники Брастыньш определяет как древние языческие, а связь их с христианским годовым циклом рассматривает как исключительно искусственную и насильственную.

Э. БРАСТЫНЬШ И ЛАТЫШСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

В “Церокслисе” Э. Брастыньш объявляет, что латышский народ издревле обладал божественным откровением, которое он пронес через века, часто вопреки завоеваниям и насаждению чуждых верований и образа жизни. Правда, это откровение не является в принципе уникальным: каждый народ им обладал или обладает (в этом смысле Э.Брастыньша даже называют “основателем всеобщей теории национализма для всех народов”). Все же, согласно его мнению, не во всякой народной культуре оно проявилось с такой очевидностью как, например, у ла-

тышей. В дальнейшем Брастыньш более или менее удачно балансирует между этими двумя положениями, однако периодически большую отчетливость у него обретают образы “богоизбранности” и “мессианства” латышского народа: “Диевс (Бог) определил латышам сохранить эту религию, чтобы научить мудрости другие арийские народы...” (Ц,9). Вот так из латышской традиционной культуры вырастает новая религия, которая, однако, не связывается с каким-то новым пророчеством или откровением. Более того, эту новоизобретенную “древнюю” рели-

гию Брастыньш не определяет как “веру”: “В арийских религиях более важна не вера, но исполнение культа, поэтому не вполне точно называть латышскую религию “верой”, но – диевтурибой (“почитанием Диевса/ Бога”)” (Ц,1).

В работе “Тысячелетняя борьба с нашим богопочитанием” Э.Брастыньш высказал большие надежды на развитие диевтурибы, на ее распространение в латышском обществе⁴². Более того: с ее помощью он надеялся существенно изменить латышское общество в культурном отношении, привить ему национальную идентичность – “латышскость” (latvietība). “В будущем латышу надо стать стопроцентным латышом” – заявлял он в книге “Латвия, ее жизнь и культура”, отмечая, что пока что встречаются и “полунемцы”, и другие “неистинные” латыши⁴³.

Э. Брастыньш оказался одним из первых идеологов латышского национализма. В статье 1931 г. “Латышскость как новая добродетель” он пишет: “Что в этой новой добродетели является высочайшей ценностью, что обладает наибольшей значимостью? Человек, человечество или Диевс? Ни первое, ни второе, ни третье, но – народ! Народ – высшая ценность, значимость и священность. Народ – в центре мира! Народ превыше всего! Народ – на первом месте!... Латышский народ – божественен (dievišķa). Он имеет особое Божественное призвание, задание, миссию”⁴⁴. Вообще народ, нацию он определяет как “высшую Мудрость, божественное установление”.

Культуру национализма Э. Брастыньш называет “первой заботой государства”. В 1936 г. он пишет книгу “Учение национализма” (“Tautības mācība”). Национальная (лтш. буквально – “народная”) идея осмыслиется здесь “не как старый предрассудок, заимствованный от предков”, не как “забытая и теперь восстанавливаемая идея”, но как “новый шаг человечества вперед”⁴⁵. В широких народных массах бытуют только “национальные чувства”, в то время как “национальное сознание” возникает в среде образован-

ных людей. “Национальные чувства и инстинкты” могут образовать только “наивный национализм” – tautiskums. Главными признаками национальной идеи Брастыньш называет традицию (транслируемые обычаи, установления, порядки), осознание своего единства, своей особенности, и культуру (быт, искусство, религию, мир вещей). Национальность он определяет как “не только общий телесный тип, но и общий душевный склад, мировоззрение, способ переживания радости и горя”⁴⁶. Прямой противоположностью национализма (tautisms) он называет такое “заблуждение” как космополитизм, отвергающий всякие границы – государственные, национальные, конфессиональные. Яркими его проявлениями Брастыньш считает христианство, империализм и марксизм.

В этом труде встречаются и вполне здравые мысли. Например, описывая понятие “народ”, автор отмечает “особенность” как главный его признак. Народ можно представить себе в качестве большого человеческого индивида среди человечества, так же как отдельного человека – в обществе.

Действительно, человек одновременно и открыт миру (имеет органы чувств, связан с окружением питанием, дыханием, общением), и закрыт (имеет защитные механизмы, осмысливает все происходящее согласно имеющейся в сознании модели). Таков же и народ – с одной стороны восприимчив ко всему внешнему, с другой стороны – закрыт от него. Но тут же автор характеризует “народ” через такие его составные элементы как “святость”, “авторитет” и “традиция”, и подводит итог: “народ превыше человека и человечества”⁴⁷.

Иногда кажется, что Брастыньш вполне корректно понимает “национализм” (tautisms) как предчувствие, мироощущение, образ жизни, способ руководства⁴⁸. Однако далее читаем: “Воинствующий национализм во всех видах – признак здоровых и сильных народов”⁴⁹.

В своем труде Брастыньш предлагает подробный анализ составных частей национализма. По его мнению,

ими являются “национальный человек” (tautiskais cilvēks, tautietis, Dižlatvietis), “национальные чувства” (любовь, единство, почтительность, самоуважение, гордость), “национальное сознание” (самосознание, осмысление окружающей среды, родственности и общей судьбы, общего гражданства, понимание национальной идеи, идеалов, интересов, задач), а также “народная воля”⁵⁰.

Отдельные части книги автор посвятил таким важнейшим проявлениям “национализма” как “национальная культура” и “национальное государство”. Если культуру он связывает с дисциплинированностью, религией и философствованием, то государство называет “идеалом”, к которому должен стремиться всякий народ. Народы без своего государства (например, баски), многонациональные государства (Швейцария, Австрия), “народы без единства” (цыгане, евреи) предстают в глазах Э. Брастыньша как “тяжелое наследие старой Европы”. Он надеялся, что судьба латышей будет иной.

Культовые отправления диевтуров

Э. Брастыньш разработал также культовую систему диевтурибы. В Церокслисе описаны ее культовые принадлежности: божественные предметы (dievāinas lietas), места, знаки, учреждения, должности. К божественным местам причислены “дом Диевса/Божий дом” (Dievpams) - место для собраний, церковь (baznīca) - место, посвященное Диевсу и Маре, и т.н. рамава (Ramava) - священное место в лесу, где люди отмечали праздники. Вот как они описаны. “Древние дома Диевса были тенистые места, обсаженные кленами и дубами, их называли также тенями Диевса, Святыми тенями. Только позднее на этих местах начали строить здания. В наше время домом Диевса мы называем здание, построенное для собраний, посвященных величанию Диевса” (Ц, 112).

Итак, хотя в начале своего труда Брастыньш пишет о латышской диевтурибе как индивидуальной религии, но к концу он приходит к необходимости религиозных собраний! Для этого в

“Церокслисе” вводится понятие общины, или братства (draudze, между прочим, церковный термин - “лютеранский приход”) как “сообщества единомышленников”, что подкрепляется такими текстами народных песен: “Близко, близко сельские пастухи, только вместе (draudzē) не пасут,/ То ли сами разбранились, то ли телята разбодались?”; “Теснее, теснее, смелее, смелее, держись, мое братство,/ Пусть прочие свадебные гости как гороховая солома стелются”.

Вот что пишет об общине Э.Брастыньш: “Община - настоящее и хорошее латышское латышское слово, которое христианство заимствовало для нужд своей церкви. Но это не причина для диевтуров отказываться от этого слова. Общинами диевтурибы сейчас называют объединения диевтуров, которые составляют Сообщество Диевтуров Латвии (Latvijas Dievturu Sadraudze). В древности у нас не было необходимости ни в каких особых общинах диевтуров, так как тогда каждый латыш жил по законам одной религии, никем не отравляемый. Теперь, напротив, диевтуров окружают чужие верования. Чтобы легче устоять среди них и скорее освободить соотечественников от духовного ига, всем диевтурам нужно объединиться в общины” (Ц, 120).

Наименьшая ячейка – группа диевтуров, объединяющая до 30 членов, называлась puduris (“купа”), несколько “куп” составляли draudze (“общину”). Из общин, сложившихся в Риге, Валмиере, Лиенае, Елгаве, складывалась вся организация – sadraudze (объединение общин).

Любопытно, что через несколько лет Э. Брастыньш напишет о братствах как временной мере в деле распространения диевтурибы. К настоящему времени в различных организациях диевтуров сложились различные, неунифицированные культы. Диевтуриба сформировалась без священства, многие (хотя не все) диевтуры полагают, что “каждый может вступать в связь с Диевсом, проводить ритуалы”.

Не обращая внимание на христианское происхождение слова *baznīsa* от рус. “божница”, он определяет понятие “церковь” как “обсаженные деревьями места, трудно достижимые места вблизи жилищ”, которые, оказывается, были в приусадебных садах практически всякого хозяина (Ц, 113). Рамавы - места успокоения, леса с божественными местами, где погребали/“упокаивали” усопших, а также собирались на праздниках (Ц, 114). Брастыньш приводит высказывание А.Швабе о рамаве: “Огромная историческая роль религии прямо объясняется общественным характером, раскрашенным красками религиозного культа, когда культовые песни, танцы и церемонии погружали в экстаз “умершее в сердечных болях” сердце (13250,42), и возвышенное чувство силы и единство самих собравшихся людских масс рождало иллюзию религиозной “рамувы”, ко-

торая высушивает слезы повседневности, утишает боли дней пребывания в рабстве. Полумифическая-полуисторическая Рамава Пруссии со священной дубовой рощей - только красочный символ всех тех бесчисленных “рамув” религиозных праздников древней Латвии, которые существовали повсюду, все равно, были ли они воплощены в особых рощах и холмах с идолами, или же жили только как преходящие чувства в эмоциях масс на праздниках...” (Ц, 114).

В диевтурибе отсутствует институт жрецов и священников. Начинать и проводить праздничные действия может каждый, “подходящий для этого по своему социальному положению, или кого выбрали люди” (Ц, 119). Таких руководителей в ходе праздников и священнодействий в диевтурибе называют *visēji* - букв. “устроители, проводители”.

ДИЕВТУРИБА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на надежды Э.Брастыньша и других инициаторов этого движения, диевтуриба в 1930-х годах не только не стала государственной религией Латвии, но и не оказала серьезного влияния на все латышское общество, оставшись большей частью достоянием очень ограниченного круга людей. Однако многие ее идеи легли в основу формирующейся “этнической мифологии”.

После присоединения Латвии к Советскому Союзу в июле 1940 г. диевтуры оказались одними из первых, подвергшихся здесь репрессиям. История этого религиозно-общественного движения была навсегда вычеркнута из советской историографии.

Дальнейшая судьба диевтурибы была связана с деятельностью латышских эмигрантов в США, Канаде, Австралии, Германии, Англии. В эмиграции было продолжено издание журнала “Лабиепис” (выходит в США, дважды в год), был основан альманах по исто-

рии и культуре Латвии “Архив” (в Мельбурне). Появилось немало работ, посвященных осмыслению латышского народного искусства и в особенности орнамента (как священных графических знаков), праздников, повседневных обычаев.

В 1975 г. был принят новый устав организации, которая с тех пор называется “*Latvju dievturu sadraudze*”. Ее руководителем (*Dižvadonis*) в настоящее время является Маргерте Гринс (США). Его жена - Мара Грин, дочь Арвида Брастыньша, - главный редактор журнала “Лабиепис”. Организацию диевтуров Канады возглавляет Аусеклис Перконс, Австралии - Зигфридс Лейтис, Германии - Вилнис Трачумс, Англии - Янис Вилипсонс.

В США (штат Висконсин) был образован центр диевтуров - *Dievsēta* (“Божья усадьба”), состоящий из трех зданий - Скандавы (место собраний), хозяйственной постройки с кухней и спальнями и школьного здания для

нужд детских летних лагерей. Рядом располагается Рамава - место проведения праздников и молений. Каждое лето сюда, а также в аналогичные лагеря собираются дети латышских эмигрантов, приезжают гости из Латвии. Для них устраиваются праздники песни, лекционные и семинарские занятия, посвященные латышской традиционной культуре.

Члены общины диевтуров (*dievturū saime*) делятся на "своих" или "братьев" (*savieši, draugi*) и "доброжелателей", так сказать сочувствующих (*labvēļi*). Первые - полноправные члены организации, они имеют право голосования на собраниях, не могут исповедовать другие религии. Большое внимание диевтуры уделяют общественной работе; как одна из основных его составляющих понимается изучение и пропаганда "латышского знания" (*latviska zināšana*), его распространение в латышском обществе. По всему миру проводятся т.н. "недели Посева" под лозунгом - "Посеем семена латышского знания". Организуются курсы и семинары по латышской народной культуре. В школах (в настоящее время и в Латвии) проводятся т.н. "белые часы" - занятия, посвященные латышской традиционной культуре. В качестве основных ценностей диевтурибы определяются познание латышской "божьей вести" (*dievestība*), культивирование в обществе добродетелей (*tikumi*), развитие латышского мировоззрения (*dzīvesziņa*) и соблюдение годового распорядка (*gadskārta*).

18 апреля 1990 г. деятельность диевтуров была возобновлена и в Латвии. Но не все протекало гладко. В заявлении на регистрацию, поданном в Управление религиозными делами Совета Министров в августе 1989 г. от имени организации "*Latvju dievestības sadraudze*" и подписанном будущим лидером диевтуров Латвии Эдуардом Детлавом, говорится буквально следующее: "Латышская божественность (*Latvju dievestība*) образовалась в далекой древности, и до наших дней сохранилась в устном народном творчестве – в дайнах. Диевтуриба образовалась в

Латвийской Республике под руководством Э.Брастыньша. К настоящему времени она распространилась в Канаде, США, ФРГ, Австралии. Дистанцируясь от философских воззрений Э. Брастыньша, мы видим необходимость заменить название "Диевтуры" на "*Latvju dievestība*". Просим Вас рассмотреть возможность зарегистрировать нас как религиозную конфессию"⁵¹. Однако регистрация произошла все-таки под названием "*Latvju dievturu sadraudze*". Ю.Сайварс отмечает дальнейшую курьезную историю: под нажимом зарубежных организаций диевтуров, организация Латвии была принуждена изменить свое название на "*Latvijas dievturu sadraudze*", что и произошло 3 октября 1990 г. Дистанцирование от наследия Э. Брастыньша все-таки не произошло...

Довольно сложные взаимоотношения сложились у современных диевтуров Латвии с другими местными культурными обществами, занимающимися духовной работой. В начале 1990 г. возникли контакты с "Ведическим обществом Латвии", руководимым Модрисом Славой. Ряд статей диевтуров появился в их издании "Виедас вестис". Но с 1992 г. эти контакты были прерваны, а сама диевтуриба на страницах одного из номеров журнала была охарактеризована как "идеологически-политическая идейная структура во внешне латышском убранстве"⁵².

В Риге раз в квартал стал выходить журнал "Вестник диевтуров" (вся периодическая печать диевтуров употребляет свое летоисчисление, удревненное от общепринятого на десять тысяч лет, а также древнелатышские обозначения месяцев). С конца 1980-х г. в тесной связи с идеями, заложенными диевтурами, в Латвии выходят альманахи, учебные пособия и работы, посвященные латышской народной культуре. Это продолжающаяся серия "Латышское народное мировоззрение"⁵³, работы по календарным праздникам⁵⁴. Министерство народного образования в 1991 г. издало программу для школ курса "Латышское народное

мировоззрение”, основывающегося на принципах диевтурибы⁵⁵.

Возможно, новое поколение латышей будет знать о латышской традиционной культуре именно через призму системы взглядов диевтуров.

Х.Биезайс в статье “Диевтуры-национальные романтики-древние латыши” пишет, что идейным звеном возникновения диевтурибы было индоевропейское происхождение латышей: “это было открыто уже в конце XVIII в. в сравнительном языкознании, подробно изучено во второй половине XIX в., и с большим запозданием стало известно среди латышей... Националистически настроенные круги общества, не углубляясь в лингвистический материал, восприняли это так, что была открыта древность латышей, их истоки. Что могло быть приятнее народу, столетиями терпящему притеснения, осознать свои глубокие, древние корни! С помощью сравнительного языкознания диевтуры как будто нашли также древнюю латышскую религию. Теперь осталось только ее восстановить. Этим самым латышскому народу будет отдана его исконная идентичность”⁵⁶.

Национально-психологическим мотивом возникновения диевтурибы в латышском обществе - только что впервые в своей истории создавшем государство - была необходимость осмысления, определения своей самобытности. Кроме того, важно было также поведать о ней миру.

При этом диевтуры ставили своей задачей “сделать Латвию латышской”, научить латыша “латышскости” (*latviskums*) - конечно, так как они сами ее

понимали. Важные черты этого понимания (а зачастую и непонимания, или невнимания к частностям во имя монолитности построения религиозно-культового строя) проявлялись не столько в трудах диевтуров, сколько в дискуссиях между ними и их оппонентами (в частности, такими знатоками латышской народной культуры как Л.Адамович и П.Шмит).

Х. Биезайс отмечает, что в некотором смысле латышская диевтуриба аналогична многим неорелигиозным движениям. Заметим, что им свойственно не только создание (или - как они сами полагают - “воссоздание”) религиозной и культовой системы, но и значительная социальная направленность. В качестве примера можно привести неоиндийское движение XX в. Арья самадж, основывающееся на священных текстах Вед (как диевтуры - на дайнах), но провозглашающее монотеизм (в отличие от ведического многобожия). Находятся аналоги диевтурибе и среди религиозно-общественных движений Африки, Латинской Америки, Океании.

Однако тщетны их стремления вернуться к “истокам”, воскресить и практиковать мировоззрение своих предков - “нельзя войти в одну реку дважды”.

Диевтуриба основывается на мифах, большинство которых имеет недавнее происхождение. Это, например, миф о “древних латышах” и их “совершенно безмятежной жизни” перед немецким завоеванием Прибалтики, древнелатышская религиозность как гомогенная стройная мировоззренческая система.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИЕВТУРЫ ЛАТВИИ

Latvijas dievturu sadraudze – официальная организация диевтуров Латвии – объединяет в настоящее время 15 общин в Риге и других городах Латвии. Руководит ею Янис Брикманис; 12 человек составляют правление, председательствует Рамантс Янсонс. По при-

знанию руководителей, в Латвии всего около 500 человек-членов организации (в большинстве своем женщины), при этом около 100 активных (в основном, мужчины). В мире всего насчитывается около 1000 диевтуров. Организация живет только на членские взносы – по

2 лата (около 1.8\$) с человека в год. С июня 1998 г. издают листок – “Известия диевтуров”. Организация диевтуров Канады оплачивает аренду за комнату, где располагается правление.

Руководитель организации Латвии именуется vadonis. Должность “верховного руководителя” (dižvadonis), которую ранее занимали Эрнестс и Арвид Брастыни – теперь занимает Маргерте Грин (США).

Диевтуры Латвии зарегистрированы как нетрадиционная религиозная организация, хотя сами они понимают свою религиозность как единственную традиционную для латышей. “Это все остальные – христианство и прочие – нетрадиционные религии, они пришли к нам извне” – рассуждает Рамантс Янсонс.

Сведения, приводимые ниже, получены автором настоящей статьи в результате личного общения с диевтурами Латвии в сентябре-октябре 1998 г. Записи интервью, редкие опубликованные материалы, фото и видео записи хранятся в личном архиве автора настоящей статьи.

Любопытно, что слово “диевтуриба” употребляется среди членов организации как нарицательное. В одной из бесед меня спросили: “А у вас в России есть диевтуры?” При этом имелась в виду, конечно, национально-религиозные, неоязыческие движения.

Общины собираются несколько раз в месяц. Один раз в месяц проходят собрания правления, на котором обсуждаются организационные вопросы. Отмечаются календарные праздники, проводятся обряды жизненного цикла.

Помимо этого, Э.Брастыньш в свое время ввел две формы религиозных собраний диевтуров (не под влиянием ли протестантизма?). Это “восхваление” (daudzīnājums) и “доклад” (priekšlasījums). В настоящее время среди диевтуров Латвии один-два раза в месяц проходит “восхваление” (daudzīnājums), посвященное определенной теме (“восхваление” добродетелей, божеств, Даугавы, осени, и т.п.). Оно сопровождается совместным пением и музицированием. На докладах обычно обсуж-

дают вопросы национальной культуры.

“Восхваление” проходит обычно следующим образом. Собираются люди – 20-30 человек, взрослые и дети. Проводящий ритуал рассаживает всех в круг, посередине ставит стол, на котором зажигает свечи. Все присутствующие поют народные песни: “Медленно, медленно Диевиньш едет с горы в долину...” При словах: “Разжигайте огонь, замолкайте молодые, Диевс входит в комнату” все встают. Поют другие песни – посвященные Маре или Лайме. Затем руководитель обряда рассказывает что-то на заданную тему (проповедь?), кто-нибудь из присутствующих может почитать свои стихи, высказаться. Далее проводится “укрепляющий обряд”: все встают в круг, и, взявшись под руки, маленькими шажками движутся направо и налево, при этом напевая тексты заклинаний, начинающиеся обычно формулой: “Пусть будут слова, у кого есть слова, / У меня самого сильные слова...” Потом все протягивают руки в центр и “собирают энергию в пучок”. В “восхваление” могут входить игры – символическая “передача” по кругу из рук в руки “добра”, что-то вроде проповедей-размышлений. Некоторые участники могут затронуть политические проблемы, но большинством это не приветствуется.

В начале и конце всех собраний диевтуры поют народные песни: “С Боженькой сходимся, с Боженькой расстаемся, / С Боженькой пусть останется эта опетая комната. / Ты с Богом, я с Богом, мы с Богом хорошие люди. / Иди, Боже, тѣ вперед, я по твоим следам, / Не дай мне по той дороге пойти, по которой ушел Злой день”.

На праздновании календарных праздников обычно придерживаются определенной тематики – в песнях, разговорах.

22 сентября я побывала на празднике “дожинок” (Arjumbas), устраиваемом после сбора урожая. Основные его участники были члены фольклорного ансамбля “Силавоти”. Руководил проведением праздника Рамантс

Янсонс. Устраивавшие его люди – горожане, но некоторые имеют свои небольшие приусадебные хозяйства. Продукты, принесенные на алтарь и на стол, были частично выращены ими самими, частично куплены в магазинах. Первая часть праздника – установление алтаря: на деревянных приставных лестницах расставлялись вазы с цветами и коробки с овощами и фруктами. Некоторые овощи – морковь, кабачки, тыква – были разукрашены в “человечков” или фаллические образы. Изготавливают ритуальный предмет – *steberis*: на трость привязывают хмель, цветы со стеблями и небольшие овощи – помидоры, лук, чеснок. Когда все подготовлено – ведущий праздник обращается к Диевсу, предлагая ему принесенные на алтарь дары, и испрашивая благословения. Затем следуют совместное пение, хороводы, игры. Вторая часть праздника – трапеза. Она начинается и завершается обращением к Диевсу и ритуальным “накладыванием креста” – ведущий простирает над столом руки, сложенные в крест. Трапеза, на которой я присутствовала, состояла из бутербродов с ветчиной, малосольных огурцов, помидоров, традиционных латышских пирожков со шпигом, ватрушек и печенья. Алкогольных напитков – даже пива – не было, пили морс из черноплодной рябины. Во время трапезы велись разговоры – в основном, об урожае, сборе клюквы, грибов, разных хозяйственных делах, а также обсуждали, почему не пришли многие из знакомых.

Среди диевтуров Латвии сейчас готовится открытие курсов для руководителей общин по практике культовых отправлений. Обучению обрядам крещения, бракосочетания и погребения займется Рамантс Янсонс (по признанию некоторых диевтуров, он имеет большой личный опыт). Сам Рамантс понимает это как важную задачу: “С этим нам надо будет идти в народ”. На мой вопрос – чем он руководствуется при совершении обрядов, он ответил: “Я сам чувствую, как их надо отправ-

лять. Произносимые тексты – это народные песни, они пришли к нам из глубины веков. Но что при этом надо делать – это подсказывает мне внутреннее чувство. Это удивительная энергия. Участвуя в различных ритуалах, я ощущаю, где соблюден некий баланс, а где нет. Важнейшее при этом – единство и чистота мыслей участников. Ритуалы диевтурибы не могут быть единообразными, хотя и должны быть некие общие пункты – прежде всего, в начале и в конце обращение к Диевсу (Богу), также – разжигание огня... Очень важно устранить чувство ненависти и отчужденности”.

В настоящее время диевтуриба Латвии не представляет собой организованного единства. Она разбита на множество “братств” и независимых общин, которые нередко конфликтуют между собой. Это общины “Намейсиса” (в которую входил и скандально известный Игорь Шишкин, арестованный за поджог памятника русским солдатам в Риге), “Виестурса” Гунара Фрейманса, “Буртниека”, “Сидабрене”. Число входящих в эти общины членов – от 15 до 50.

С руководителем последней – известным в кругах диевтуров Латвии теоретиком их движения, доцентом Латвийского Технического университета, преподавателем акустики, Карлисом Томаринышем мне удалось побеседовать 7 сентября 1998 г. Эта община по целому ряду причин не поддерживает основных организаторов. Среди руководства сейчас, по их мнению, межнациональная компания, люди, делающие карьеру, готовые сотрудничать с чуждыми религиями, враждебными силами. “Мы считаем – никаких компромиссов. Ради цели можно пойти на многое...”. Среди прочего, их отвержение вызывает “мистическая настроенность”, якобы царящая сейчас в рядах диевтуров: “всякие суеверия, разговоры об энергиях”. Они полагают, что среди древних латышей такого не было никогда, но царило “чистое понимание”. К.Томариныш готовит к изданию книгу по “латышской национальной философии”; вот названия не-

которых глав: “Тысячелетняя борьба продолжается”, “Мудрость – основная добродетель латышей”, “Бог латышей может жить только на латышской земле”, “Не латышский Бог, но Бог латышей”, “Мудрость против мистики”, “О музыкальных инструментах”, “Бог и язык” и др. Автор рассуждает: “Христиане возвещают, что Бог один. Это не так: в самой Библии ощущается присутствие других богов, которые Один из них запрещает Своему народу почитать. У древних евреев понятие “Бог” могло согласовываться с числительным – то есть, Его можно было сосчитать! Диевс у латышей никогда не имел числа. Он – то же, что честь, совесть”.

На вопрос – какова же, собственно говоря, их цель, отвечают: “жить как люди, со своим народом, со своими думами. Например, у нас есть ансамбль исполнителей на кокле (латышском национальном струнном инструменте, родственном литовскому канклес, эстонскому кантеле, северорусским гусям). Мы отмечаем наши праздники, встречаемся, беседуем, готовим угощение”. Однако, наверное, это не все. По словам К. Томариныша, немалую часть в их деятельности (хотя бы и только публицистической) занимает “борьба против космополитических идей, против воздействий чужих культур”. Он полагает, что “космополитические идеи уничтожают национальную самобытность латышей”. Ссылаясь на мысль Ф. Достоевского, заключает: “Если два Бога сочетаются, то и народы сочетаются, и оба гибнут”.

В целом, члены этой общины живут с чувством, что с обретением Латвией независимости собственно говоря, ничего не изменилось. Латышей, якобы, по-прежнему хотят уничтожить, и “враг” “окопался” теперь даже в своих рядах. Крайне негативно К. Томариныш отзывался о большинстве фольклорно-этнографических ансамблей Латвии: “цель их – уничтожение латышской народной музыки”. Община издает на собственные средства журнал-альманах “Сидабрене”, в котором публикует статьи идейно близ-

ких им авторов. Среди них, между прочим, Волдемар Лейтис, который в 1920-30-е гг. особенно много писал о латышско-индийской культурной близости. Вот и “влияние иных культур” – все-таки трудно от него избавиться...

Взгляды некоторых диевтуров можно рассматривать как экстремистские. Однако они не имеют сколько-нибудь широкой популярности в обществе. Вряд ли деятельность общин продолжится дольше, чем одно поколение диевтуров. В большинстве случаев общины существуют благодаря усилиям одного-двух лидеров.

В этой разобщенности заключается слабость, но, возможно, одновременно и сила диевтуров. Идеи, посеянные еще в 1920-х гг., по сей день теплятся в латышском обществе. Они не исчезнут и в будущем, но, очевидно, видоизменяются. Отдельные диевтуры – например, Юлий Брач – еще мечтают об объединении всех балтских народов в этнос “аэстиев”: “Молодая Латвия, смотри на нацию аэстиев – там пруссы, литовцы, все свои!”⁵⁷. Большинство последователей этого течения не интересуются иными культурами, кроме латышской. Некоторые отказывают и литовской культуре в “чистоте” сохранения “балтийского духа”.

Современные диевтуры Латвии не добиваются цели придания диевтурибе статуса государственной религии. Правда, Рамантс Янсонс заметил, что “вообще-то это было бы неплохо”. Но как можно придать статус государственной религии, которую исповедывают 500 человек из 2,5 миллионов населения Латвии? Диевтуры это понимают. Их сегодняшняя задача – “латышская Латвия”. Р. Янсонс подводит итог: “Часть диевтуров хотели сделать диевтуру политической партией. Я всегда считал и считаю, что она и так есть настоящая политика. Я буду нести духовный свет, сколько хватит моих сил”.

Конечно, иногда поражает их самоуверенность в собственной правоте, при нередко встречающемся невежестве в вопросах истории и культуры. Диевтуру в голову не приходит, что вос-

хваляемая и культивируемая им традиция хорового пения возникла в Латвии под влиянием церковных хоров лютеранских общин XVIII-XIX вв., впервые в северной Видземе, в гордах Лимбажи, Мазсалаца, Руйена, Страупе, Вецсалаца⁵⁸. Кокле – сольный инструмент, так что идея создания ансамбля исполнителей на кокле могла родиться только у человека, имеющего представление о симфонической музыке. Наконец, многие собрания диетуров (“восхваление”, “доклад”) очень напоминают баптистские и другие протестантские собрания. В частности, чрезвычайно сильны у них элементы морализаторства и личного размышления о смысле веры.

В заключении отметим, что диетуриба как идея гораздо шире и глубже, нежели это может показаться на первый взгляд. Не случайно и в довоенной Латвии, и теперь ее идеи в той или иной степени исповедывали и исповедывают многие поэты, писатели, художники, инженеры, люди с разным образованием. Таким образом, саму диетурибу можно понимать и, по словам латышского философа Роберта Мука, как “бастынизм” (от имени основателя – Э.Бастыньша), и как слой размышлений и представлений, широко распространенных в латышском обществе и связанных с осознанием своей этнокультурной идентичности. Сюда же входят идеи существования национальной латышской религии.

Неоязычество становится характерным признаком нашего времени⁵⁹. Как и романтизм, частично оно является попыткой устранить дисбаланс западной психики, оживить религиозные переживания, открыть внутренний мир, мистику и божественную любовь. Используя элементы традиционных культур, его последователи строят свои здания по собственному образу и подобию, прямо или косвенно, или даже на словах отвергая это, но впитывают разный этнокультурный опыт.

Нередко (как мы увидели это на латышском материале) именно в таких движениях чрезвычайно отчетливо проявляются национальные идеи и зарождаются истоки теорий национализма. В большинстве случаев в национальных движениях ощущаются культовые элементы. Подъем национального самосознания, начавшийся проявляться особенно ярко в XVIII-XIX вв., был тесно связан с упадком религиозности. Национальные идеи, а позднее и национализм начинают ее как бы замещать, подтягивая постепенно также функции власти. Если первый этап в истории национальных движений Европы (согласно делению М. Хроча⁶⁰) связан со сферой культуры, литературой, изучением фольклора, то в дальнейшем появляются активные сторонники национальной идеи, заметны первые признаки политической агитации. Следующая же стадия начинается тогда, когда националистические движения получают более-менее массовую поддержку в обществе.

Как же может быть оценена современная ситуация в Латвии? На мой взгляд, эта республика уже прошла все три описанные стадии развития национального движения. Для нее вполне характерно замечание Э. Хобсбаума, что сейчас “национализм уже не является глобальной перспективой развития или всеобщей политической программой..., теперь он лишь дополнительный усложняющий фактор или катализатор для иного рода процессов”⁶¹. Конечно, это не означает, что в культурной жизни Латвии (как и многих других небольших стран мира) национальная история и культура не будут занимать весьма важного места, – их роль, вероятно, даже возрастет. Однако “национализм” больше не является термином, вполне адекватным для описания многих развивающихся здесь настроений, социально-культурных институтов и политических образований, которые в свое время осмысливались с его помощью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Dievturība // Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīga, 1929. 3.sēj. 5603-5604.
2. Biezais H. Dievturi – nacionālie romantiki – senlatvieši // Čelš. 1(44). <Rīga>, b.g. 43.lpp.
3. Pussars R. Par Ernestu Brastiņu // Brastiņš E. Tautai, Dievam, Tēvzemei. Rīga, 1993. 19.lpp.
4. Saivars J. Kā atbildēt dievturiem // Mantojums. (Rīga), 1997. N.1. 54.lpp.
5. J. Alunans. Raksti. 2.d. Pēterburga, 1914. 330-331.lpp.
6. J. Alunans. Raksti. 313-318.lpp.
7. Ausekla kopotie raksti. Rīga, 1923. 117-118.lpp.
8. Saivars J. Kā atbildēt dievturiem // Mantojums. (Rīga), 1997. N.1. 52-53.lpp.
9. Dokalnis J. Ateizma loma latviešu dzīvē // Labietis. 6. 1933. 83.lpp.
10. Brastiņš E. Latvju Dievadziesmas. Rīga, 1928. 11.lpp.
11. Lecs J. Senlatviešu dievticība un dvēseles glītums sadzīvē. Rīga, 1917. 8.lpp.
12. Lecs J. Op.cit. 3.lpp.
13. Федосеев Л. Язычники возвращаются // Советская молодежь сегодня. Рига, 17.08.1995.
14. Brastiņš E. Latvijas pilskalni. 1. sēj. Kuršu zeme. Rīga, 1923; 2. sēj. Zemgale un Augšzeme. Rīga, 1925; 3. sēj. Latgale. Rīga, 1928; 4. sēj. Vidzeme. Rīga, 1930.
15. Brastiņš E. Latviešu ornamentika. Rīga, 1923; Latvju rakstu kompozīcija. B.v., 1924.
16. Dokalnis J. Vienību uz latviska pamata // Labietis. 3. 1935. 57.lpp.
17. Brastiņš E. Mūsu dievtības tūkstošgadīgā apkarošana. Rīga, 1994. 87-88.lpp.
18. Latviešu dievturības atjaunojums. Rīga, 1925. 5.
19. LVVA F 5459. Apr. 1, 2.lieta. // Saivars. Op.cit. 64.lpp.
20. Latviešu dievturības atjaunojums. Rīga, 1925. 32.lpp.
21. Bregžis K. Latvju reliģijas mācība. 1.daļa. b.v., b.g. 22.lpp.
22. Barons K., Visendorfs H. Latvju Dainas. 1-6.sēj. Jēlgava-Rīga-Pēterburga, 1894-1915 (далее - LD).
23. Brastiņš E. Dievturu cerokslis. 11932. Latvijas Dievturu Sadraudzes izd. 2oe izdanie – Brastiņš E. Cerokslis. Dievturības katechisms. ASV, 11966.
24. Biezais H. Op.cit. 44.lpp.
25. Dievturība, kristianisms un politika // Dievturu Vēstnesis. 1. 1928. 30.lpp.
26. Saivars. Op. cit. 71.lpp.
27. LVVA F 5459, apr.1, 2.lieta.
28. LVVA F 3235, apr.3, 306.lieta. Об организации “Перконскрустс”: Paeglis A. “Pērkonskrusts” par Latviju (1932-1944). (Rīga), (1994).
29. Paeglis A. “Pērkonskrusts” par Latviju. B.v., b.g. 154-155.lpp.
30. LVVA F 1370, apr. 1, 2800.lieta.
31. Brastiņš E. Dievturība kā bezdraudzes dievtība // Labietis. 6. 1937. 316-318.lpp.
32. LVVA F 3235, apr.3, 305.l.
33. Brastiņš E. Dievturības otrais posms // Labietis. 3. 1940. 164.lpp.
34. Pussars R. Op. cit. 10.lpp.
35. Топоров В.Н. Латышские народные песни как источник для реконструкции архаичных мифопоэтических представлений // Слово в нашей речи. Вып.5. Рига, 1985. С.34-56; Иванов В.В. О мифо-поэтических основах латышских дайн // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С.3-28.
36. Лтш. Dievs - как имя христианского Бога, так и древнего (языческого, индоевропейского) божества, результат наложения двух культов. См. Biezais H. Die Gotesgestalt der lettischen Volksreligion // Acta Universitatis Uppsalensis. Historia Religionum. 1. Uppsala, 1961; Kreics J. Kur un kā E.Brastiņš atrodīs senlatviešu Dievu? // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. Rīga, 1930.
37. Lecs J. Op.cit. 6-10.lpp.
38. см. Рыжакова С.И. “Святая Мара” в латышской народной культуре // Живая старина. М., 1996. N.2. С.42-46. Х.Биезайс выступал против понимания лтш. Мары как нехристианской богини - Biezais, 54.lpp.
39. Лтш. Pērkons означает как имя божества-громовержца (родственное лит. Перкунасу, слав. Перуну), так и “гром”. Ср. лтш.: Pērkons гус - “гром гремит”, Pērkona negaišs - “гроза”. См. Иванов В.В. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. М., 1958.

40. "Крестом" назывались как четырехконечный знак (собственно крест), так и пяти-, шести-, семи-, восьми-, девятиконечные "звезды". Известен т.н. "крест лиегувена", используемый против нечисти: это многоконечная звезда, которую вырезали в один прием на пороге и дверях дома, хлева, конюшни, на спинах и рогах домашнего скота. См.: *Lietuvėna krusts // Mitologijos enciklopedija. Rīga, 1994. 2.sēj. 203.lpp.*
41. Brastiņš E. *Latvju Gadskārtas dziesmas. Rīga, 1929. 12.lpp.*
42. Brastiņu E. *Mūsu dievestības tūkstošgadīga apkarošana. B.v., 1986.*
43. Brastiņš E. *Latvija, vinas dzīve un kultūra. Rīga, 1931. 240.lpp.*
44. Brastiņš E. *Tautai, Dievam, Tēvzemei. 54.lpp.*
45. Brastiņš E. *Tautības mācība. Rīga, 1936. 13.lpp.*
46. Там же 34.
47. Там же 147. *Всякий человек, живший среди латышей, заметит, насколько это утверждение курьёзно именно в отношении этого народа! Не зря бытует поговорка: "где два латыша, там три партии".*
48. там же, С.98.
49. там же, С. 103.
50. там же, С. 163.
51. Saivars J. *Op.cit. 80.lpp.*
52. *Viedas Vēstis. 4. 1992. 2.lpp.*
53. *Latviešu tautas dzīvesziņa. 1.-5.sēj. Rīga, 1989-1993.*
54. *Ziemas svētku roze. Sast.M. Misina. Rīga, 1991; Mellēna M., Muktupāvels V., Spīķis E. Ziņas svētki. Rīga, 1990; Rudens grāmata. Rīga, 1991; Lielā diena. Rīga, 1990; Metenis. Rīga, 1990.*
55. *Latviešu tautas dzīvesziņa. Audzinātāja stundu programma. Rīga, 1991.*
56. Biezais H. *Op.cit. 50.lpp.*
57. Bracs J. *Aistu (baltu) nācijas vienības un kopības valsts atjaunošanas ideja // Viedas Vēstis. 3. 1993. 28.lpp.*
58. Сайварс. 83.
59. Шнирельман В.А. *Неоязычество и национализм (Восточноевропейский ареал). М., 1998. (Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии" Российская Академия наук, Институт этнологии и антропологии. № 114). О механизмах и путях этнической мифологизации см. в работе Романовой Е.Н.: Этнический феномен народа саха: мифосимволическая система. "культуротворчество" и понятие "границы" // Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998. С.152-171.*
60. Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.*
61. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г. СПб, 1998. С.302-303.*

Подписано к печати 10.12.98

Тир. 100 экз.

Печ.л. 1,5

Заказ № 7

УОП Института этнологии и антропологии РАН